

Шурочка
Книга первая
Родовое проклятие

Ольга Гусева
Шурочка: Родовое проклятие
Серия «Шурочка», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4912677*

Аннотация

Роман О. Гусевой «Шурочка» – многоплановое произведение, повествующее о жизни глухой деревушки Бутурлинка, о судьбах простых русских людей, о моральных утратах и приобретениях, выпавших на их долю в тяжелые годы начала и середины XX века, о всеокрушающей силе любви.

Яркие образы героев, острый, динамический сюжет захватывают читателя и удерживают в напряжении до последней страницы.

Содержание

I часть	4
I	4
II	11
III	20
IV	27
V	41
VI	51
VII	61
VIII	73
IX	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Гусева

Шурочка

Книга первая.

Родовое проклятие

І часть

І

Вечер, как и все предыдущие вечера, навалился тяжелый, молчаливый, и сразу, без обычных сумерек, превратился в ночь. На небе не было видно ни звездочки, только домишки ярко светились окнами.

Митька стоял, опустив тяжелые руки, возле дома своей любимой девушки. Полина жила вместе со своей матерью Ариной в маленьком, всего в три оконца, деревянном домишке. Недалеко от этого домика, на берегу речки росло большое дерево, ветви которого простирались над водой чуть ли не до самой середины. Митька и Полина любили это место и часто любовались, как на закате густая листва бросала тень на воду, придавая ей темноватый оттенок. Именно здесь и

зародилась их большая любовь.

Арина Корнеева жила тихо и строго, как монашка, и была дружна лишь со своей соседкой Клавдией Захаровой. Деревенские бабы смотрели на Арину с удивлением и жалостью, мужики – с уважением, а девушки вообще считали ее, чуть ли не святой. И вдруг в ее дом пришла беда. Единственная дочка Поленька, ее гордость и надежда, опозорила ее. Как она посмела принести в подоле незаконнорожденных детей, да еще от какого-то Митьки Зорина?

Арина заметила Митьку у крыльца и выскочила из дома.

– Тетя Арина, как Поленька? Родила или нет? – крикнул он.

Арина окинула его гневным взглядом, точно хлестнула мокрой плетью, затем схватила обеими руками вилы, будто хотела его проколоть.

– Убирайся, щенок! Нет ребенка, мертвый ребенок родился у Поленьки! Убирайся!

Митька, как побитый, виновато пошел прочь. Арина еще немного постояла на крыльце и, убедившись, что он ушел, вернулась в дом. Ее дочь лежала на кровати без сознания. Роды были тяжелыми. На столе лежали два младенца, как капли воды похожие друг на друга. Тайно, приняв роды у своей дочери, и, воспользовавшись тем, что Полина была без сознания, Арина приняла страшное решение – избавиться от детей, чтобы уберечь от позора себя и свою дочь.

Она завернула детей в одеяльце и вышла на крыльцо. На

крыльце ее встретил Дружок, добрый и преданный пес. Но, словно почуяв зло, он стал издавать рычание. Хозяйка замерла и несколько мгновений стояла в нерешимости. Вдруг раздался яростный лай собаки.

Арина направилась в сторону сарая, Дружок бежал следом за ней. Войдя в сарай, она положила младенцев возле небольшой ямы, которую подготовила заранее. Неожиданно Дружок напал на хозяйку сзади, бросаясь на нее с разных сторон и кусая ее в спину. Защищаясь, хозяйка все время поворачивалась и спешила положить конец борьбе. Она изловчилась и, схватив пса за ошейник, оттащила его из сарая, плотно закрыв дверь. Теперь сюда не мог проникнуть даже лунный свет. Вокруг царил непроглядный мрак. Несколько минут Арина вглядывалась в темноту и не могла разглядеть даже собственной руки. Ей пришло в голову, что как страшно никогда больше не увидеть света. Она стояла в полном измождении, съежившись, чувствуя себя затерянной в глубоком, беспросветном мраке. Она искала в темноте яму, приготовленную для младенцев, опасаясь оказаться в ней самой. Она продвигалась к цели очень медленно, так как приходилось на каждом шагу нащупывать путь. Но, владевшая ею тревога подгоняла ее. Она не видела ни одного проблеска света, ни одного предмета, по которому можно было бы ориентироваться. Дети не издавали ни звука. Тут она вспомнила, что захватила с собой свечу, и через мгновение сарай озарился светом. Освещение позволило значительно ускорить

задуманное преступление. Арина стала действовать увереннее. Склонившись над спящими младенцами, она в последний раз взглянула на их одинаковые личики и осторожно опустила их в яму, затем взяла лопату и начала судорожно закапывать. Завершив работу, она вышла из сарая. Из темноты на нее бросился пес. Она приказала ему идти вперед. Пес сначала подчинился своей хозяйке, но на пол пути к дому вдруг заскулил, залаял и через несколько секунд оказался у сарая. Он словно чувствовал, что этот сарай стал могилой, где заживо погребены дети, это зловещее место стало усыпальницей, где навсегда будут покоиться их кости. Пес не желал отходить от двери. Ни приказания, ни ласковые слова не могли заставить его сойти с этого места. Даже, когда хозяйка оттаскивала его на несколько шагов, он вырывался и всякий раз прибегал все на то же место. Арина пришла в отчаяние. Тут у нее мелькнула в голове другая мысль, от которой она невольно содрогнулась – убить собаку. Несколько мгновений она стояла в молчании, но затем поспешила привести свой план в исполнение. Она вооружилась палкой и камнями и направилась к собаке. Дружок не двинулся с места. Он смотрел на свою хозяйку преданными глазами, а она наносила ему смертельные удары один за другим. Собака оказалась сильной и отчаянно билась, пытаясь вырваться из рук врага, но та прикончила ее, стукнув по голове камнем. Расправившись со свидетелем, Арина вернулась в дом. Она еще не осознавала весь ужас содеянного. Усталость взя-

ла верх над ней, и она заснула. Спала она беспокойно, ей снился страшный сон, что она падает в бездонную пропасть и тщетно старается выбраться оттуда.

Пробуждение было мучительно. Вместо радующего глаз солнечного света и синего утреннего неба она не увидела ничего – кругом царил мрак, кругом стояла могильная тишина. Ночь тянулась бесконечно.

Утром ее дочь пришла в себя и узнала от своей матери, что родила мертвого ребенка, и что ее мать позаботилась о том, чтобы не причинять боли своей дочери, и сама похоронила ребеночка. Полине так и не суждено было узнать всей страшной правды.

Прошло время, она вышла замуж за Митьку, и у них родилась дочка Шурочка. Они были очень счастливы. Арина еще больше замкнулась в себе. Она как-то вся поникла, сгорбилась, точно огромный камень навалился на ее плечи. До конца жизни не могла она забыть эти невинные, беззащитные личики младенцев. Ее душу терзала острая боль. Когда она засыпала, было еще хуже. Ей снились зияющие пропасти и отвесные утесы. Снилось, что она висит в воздухе, каждый миг готовая упасть в страшную бездну, где ее ждет гибель. Или стоит она на берегу залива и незаметно начинает погружаться в зыбучий песок. Вот она ушла в песок уже выше колен. Ее охватывает чувство отчаяния и ужаса. Вот она уже полностью погружена в песок, а ее подбородок почти каса-

ется воды. Еще немного и она утонет стоя, она захлебнется, и глаза ее над водой, а небесный свет отражается в ее мертвых зрачках.

Арине становилось все хуже и хуже с каждым днем. Казалось, она потеряла рассудок. Уже целый месяц она не вставала с постели, постоянно бредила. Полина заботилась о ней и жалела ее. Соседка Клавдия по возможности помогала Полине.

Однажды ночью Арина испустила крик, который мог бы разбудить и мертвеца. Дикий вопль пронесся в воздухе с какими-то странными, нечеловеческими интонациями. Крик снова повторился. Казалось, это был вопль самого дьявола. Но это был голос человека, в котором угасла последняя искра разума. Дьявольский вопль снова вырвался из глотки помешанной женщины. Поля наклонила голову так близко, что могла ясно видеть выражение лица своей матери, ее безумную мимику и дико вращающиеся глаза. Маленькая Шурочка стояла рядом и держалась ручонками за край платья Полины.

– Дочка, ты иди во двор, не надо тебе видеть свою бабушку, иди, дружок.

Едва услышав слово «дружок», сумасшедшая неожиданно пришла в сильнейшее возбуждение. Страшный крик потряс воздух, судорога исказила черты лица, глаза зажглись огнем безумия, что жутко стало глядеть.

– Дружок! – завопила она. – Ты сказала – Дружок! Назвала

имя этого пса! Давай его сюда! Это он убил твоих детей! Где он? Пустите меня к нему, я задушу его собственными руками! Я покажу этому псу дорогу прямо в ад! Да где же он?

– Мама, о чем ты?

Но ее дико блуждающие зрачки внезапно застыли.

– Вот и отмучилась, бедная, – произнесла Полина, повернувшись к Клавдии, – только я не поняла, что ее так мучило, почему она вспомнила Дружка, и о каких детях она говорила? Наверное, ей что-то мерещилось в предсмертном безумии. Клавдия, нам надо позаботиться о похоронах маменьки, царство ей небесное.

С этими словами Полина направилась к двери, а Клавдия, глядя ей в след, тихонько прошептала:

– Если бы ты знала, Поленька, какой она совершила грех! С таким грехом не видать ей царства небесного, ей уготовано место в самом страшном аду!

II

Шел 1915 год. Бутурлинка была небольшой деревушкой – чуть больше сотни жителей. С одной стороны у самой деревни земля была изрезана оврагами. С каждым годом их становилось все больше, и, казалось, крайние избы вот-вот сползут по крутому откосу. С другой стороны протекала небольшая речка Сердоба. Это был самый живописный уголок. Деревья низко свешивали свои ветви над водой, словно стремились искупать свои листочки в прозрачной воде. А запах! Особенно весной, когда все преобразалось вокруг. Зацвели луга, земля покрывалась нежной зеленью, и повсюду вспыхивали алыми, голубыми и золотистыми огоньками полевые цветы – ромашки, колокольчики, васильки. А далеко-далеко за деревней росли дремучие леса, и жители побаивались ходить на край деревни зимними вечерами, когда всюду лежал снег без конца и без края, и слышался далекий волчий вой. То ли он слышался на самом деле, то ли мерещился их настороженному слуху.

Шурочке разрешалось играть только во дворе дома. Когда ей исполнилось пять лет, ей впервые разрешили одной выйти за калитку. Она надела свою любимую синюю кофточку с капюшоном и смело шагнула за порог. Только что прошел быстрый летний дождь, и снова засветило солнце высоко в небе, в котором ветер сметал последние облака далеко за го-

ризонт.

Шурочка стояла за калиткой загорелая, румяная, с ясными карими глазами. Ее взгляд был прикован к девочке, которая стояла возле своей калитки напротив Шурочкиного дома, точно в такой же кофточке с капюшоном, только розового цвета.

– Ты кто? – крикнула Шурочка.

– Я Настена. А ты кто?

– А я – Шурочка. Давай дружить?

– Давай, – ответила Настена, и ее серые глазки засверкали, точно огоньки.

С каждым днем дружба девочек становилась все крепче. Они уже не боялись уходить на речку, летом часами бегали за бабочками, собирали цветы, шлепали по теплым лужам. Больше всего подружки любили лазать по деревьям. Они забирались так высоко, что их сердечки сжимались от страха, когда они глядели вниз, а потом потихоньку слезали, нащупывая босыми ножками сучья, стараясь не изорвать свои платья. Полина постоянно обнаруживала у Шурочки то шишку на лбу, то ссадины на руках и ногах, то разбитые колени. Дети просто не могли сидеть на одном месте, они бегали, прыгали, скакали с самого раннего утра до позднего вечера. Не раз Полина загоняла свою дочку домой всю промокшую, увидев, как она после дождя бежит по лужам, и брызги от ее шлепающих ног взлетают выше головы. Но Шурочка умела и подолгу молча сидеть и слушать. Глаза ее ста-

новились внимательными, темные брови слегка сдвигались, она подпирала голову ладонями и сосредоточенно смотрела вперед. Когда отец был свободен от работы, она взбиралась к нему на колени и забрасывала самыми разнообразными и неожиданными вопросами. А еще она любила встречать его, когда он вместе с другими мужиками возвращался с поля. Она бежала ему навстречу, а он сильными руками подхватывал ее, точно пушинку, сажал на свои плечи, а она, ехав на нем до самого дома, заливалась звонким смехом. Митька с Полиной жили очень дружно. Это признавали все. Они много работали, и односельчане их уважали и любили. А Клавдия так к ним привязалась, что все ее считали членом их семьи. Она жила в соседней избе одна, своих детей у нее не было, и Поленькина семья стала для нее родной. Клавдия помогала им по хозяйству и присматривала за Шурочкой, когда Полина работала в поле.

Родители Насти были образованными людьми. До приезда в Бутурлинку они жили в городе и работали учителями в женской гимназии. Отец Насти – Анисим Петрович – преподавал математику, а мать – Елизавета Афанасьевна – русский язык и литературу. Но их семья едва сводила концы с концами, и они вынуждены были уехать в деревню. Бабушка Насти – Мария Терентьевна – была безграмотная, не знала ни одной буквы, но грамоту очень ценила и уважала. Именно, благодаря ее заботам, Елизавета получила образование.

Не смотря на нужду, Мария обучала ее в школе. Она по своему опыту знала, как тяжело живется безграмотным людям.

Шурочке очень нравилась семья Насти, особенно Елизавета Афанасьевна. Она всегда улыбалась и была такая живая, молодая и приветливая. Она часто рассказывала девочкам увлекательные истории. Ее рассказы были обо всем: о высоких горах, синих морях, о больших городах и людях, которые там живут. Дети превращались все в слух, их ротки приоткрывались, глаза блестели, и они с восхищением смотрели на нее.

А бабушка Мария была мастерицей рассказывать сказки. Она знала их великое множество. Усадит Настену с Шурочкой рядом на низенькой скамеечке и рассказывает то про серого волка, то про трусливого зайца, то про хитрую лису. Окончит сказку и тут же начинает новую.

Однажды Анисим Петрович, вернувшись из города, сообщил:

– Начинается новая жизнь, Лизонька, понимаешь, совсем новая! Что творится в городе! Город шумит, ликует, кругом красные флаги, на митингах выступают простые люди – солдаты, рабочие.

Вскоре весть об Октябрьской революции разнеслась по всей деревне, и односельчане устроили большой праздник. Отец Насти был весел и горд, только мать Насти смотрела на него печальными глазами.

– Анисим, ты твердо решил уйти добровольцем в Красную Армию? -

спросила она дрожащим от слез голосом.

– Да, Лизонька, не могу я оставаться в стороне.

– А мне что делать?

– Учительствовать, – ни секунды не колеблясь, ответил он, – создавай школу, теперь все будут учиться, вот увидишь, народ станет жить по-другому.

Через два дня он ушел в Красную Армию, а Елизавета Афанасьевна пошла по всем избам, чтобы переписать всех детей школьного возраста. Люди встречали ее по-разному: кто-то с радостью, кто-то сердито ворчал: «И зачем девкам учиться? Шить, да варить, а там и замуж, для чего им грамота?»

На краю деревни стоял заброшенный бывший барский дом. Дом оказался довольно крепким и вместительным: кухня, прихожая и две комнаты. «Вот здесь и будет школа», – решила Елизавета. В большой комнате она разложила на столе привезенные с собой из города тетради, буквари, карандаши, ручки и перья, бутыл с чернилами. А уже на другой день сюда пришли ребяташки. Все они были разного возраста. Елизавета усадила их за большим столом и начала свой первый урок. Шурочка и Настена сидели рядом и были самые младшие среди всех. Они безмерно гордились тем, что уже взрослые и самые настоящие первоклассницы. Елизавета вся с головой ушла в работу. Дети любили ее. Дни

пролетали незаметно.

Шел 1920 год. Стоял обычный майский день. Настена позвала Шурочку к себе после школы, чтобы продолжить игру в театр. Уже несколько дней подряд они увлекались новой игрой – лепили из хлеба фигурки своих любимых персонажей и устраивали театральные представления, облюбовав для театра место под большим круглым столом, расположенным посреди комнаты. Подружки были так увлечены игрой, что не замечали ничего вокруг. Но постепенно их внимание стала привлекать суета взрослых. Мария и Елизавета были сильно взволнованы, они металась по комнатам. Мария постоянно всплескивала руками и прижимала платок к лицу, вытирая слезы, катившиеся по щекам.

– Что же теперь будет, Лизонька? Как же так? Как же это случилось? Что же теперь будет с Шурочкой?

– Не знаю, мама, ничего ей не говори, не отпускай ее никуда, пусть пока побудет у нас, а я побегу к Клавдии, – с этими словами Елизавета выскочила из дома.

Шурочка ничего не понимала, но чувствовала, что произошло что-то ужасное.

В этот день случилась непоправимая беда. Старинная лампа упала на пол, раскололась, разбрызгав возле порога керосин. По керосиновым лужицам на полу запрыгали огоньки, брызнули в разные стороны, потом слились в один широкий язык пламени. Полина отпрянула назад.

– Митя, горим! – крикнула она.

Митька ринулся вперед, схватил ведро с водой и выплеснул под порог, затем схватил какую-то одежину и принялся забивать трепетавшие лепестки пламени, но огонь молниеносно расползлся по всей избе, и вскоре весь дом был охвачен огнем и дымом. Дыма было так много, что он не успевал уплывать через дымоход и расстилался по комнатам. Люди бегали вокруг дома, кричали, пытались тушить пожар, но все их усилия были напрасны. На месте избы вздымался огненный столб. Клавдия, растрепанная и вся черная, сидела на поваленном дереве, безнадежно опустив руки, и с отчаянием глядела на огненное пламя, пожирающее все вокруг. Все сторело дотла – и дом, и сарай, и деревья, и вместе со всем этим Полина и Митя. Клавдия была словно пришибленная, она никого не слышала, в ушах у нее звенело. И вдруг она увидела, как из пепла вышла женщина. Это была ее Поленька, сомнений не было, да-да, это была она. Свет, похожий на сияние звезд, пульсировал в ее прозрачных венах, все ее тело было свет, и свет рассыпался искрами между волнами ее роскошных волос. Сложив руки на груди, она остановилась всего в нескольких шагах от Клавдии и посмотрела на нее. Клавдия увидела очень молодое лицо Поленьки, молодое, с печатью вечности. Она печально улыбнулась и исчезла, растворилась, растаяла в воздухе.

Похороны были назначены на следующий день. Почти вся деревня пришла проводить Митю и Полину в последний

путь. Людей было много, и все они были одеты в темные одежды. Движения этих людей были скупы и неспешны. Они молчаливо сгруппировались вокруг двора. Клавдия, притихшая, глядела сквозь слезы на два заколоченных гроба. Шурочка вглядывалась в лица людей, в морщинках которых лежала сдержанная печаль, точно все они, сжав свои сердца, признавали суровую неизбежность, посланную откуда-то свыше. Затем гробы погрузили на телегу, и люди растянулись за ней цепью вдоль дороги, ведущей на кладбище. Когда гробы опустили в могилу, Клавдия дрогнула. Она с отчаянием глядела на них, и губы ее кривились, сдерживая рыдания.

Шурочка со слезами и воплями бросилась на шею Клавдии:

– Мамочка моя, папочка, как же я буду без вас?

Клавдия прижала Шурочку к своей груди, погладила ее вздрагивающую горячую голову и с грустью произнесла:

– Будь сильной, дочка, падать духом нельзя.

Но Шурочка плакала и плакала.

Когда начали закапывать могилу, Клавдия чуть не лишилась чувств.

Невыносимо было слышать, как комья земли стучали о крышки гробов. Ей хотелось разрыть свежую землю, вынуть гроб, сорвать крышку и снова увидеть ее, свою дорогую Поленьку. Это было бы счастье – снова увидеть ее, только живую!

Когда могильщики закончили работу, женщины бросили

семена цветов и начали поливать землю. Земля жадно впитывала в себя влагу, темнея и размягчаясь, ведро за ведром бесследно исчезало в ее глубине.

Вечером, в полутемной комнате, Клавдия молча сидела, облокотившись на стол, закрыв лицо ладонями. Шурочка, подойдя к ней, боязливо дотронулась до ее головы и провела рукой по волосам ото лба к затылку. Клавдия открыла лицо, слабая улыбка дрогнула на ее впалых щеках.

– Шурочка, ты только ничего не бойся. Я не брошу тебя. Теперь мы будем жить вместе.

Шурочка смотрела на нее широко открытыми глазами, в которых уже не было слез, будто кончились все слезы, и вместе со слезами кончилось ее детство.

III

Шурочка спала, приоткрыв рот, спала глубоким сном. Ее белокурые волосы отливали золотом на белой подушке. Наклонившись, Клавдия с нежностью рассматривала ее лицо. Как она похожа на Поленьку, только волосы светлые! После смерти Полины Клавдия словно прониклась духом домашнего очага и посвятила себя всю воспитанию Шурочки. Никто не мог усомниться в искренней любви Клавдии к этой девочке. Вся душа, вся жизнь этой бесхитростной и глубоко преданной женщины была чиста, как родниковая вода. Жили они очень дружно, как будто в их жилах текла одна и та же кровь. Шурочка называла ее мамочка Клавочка.

Когда Шурочка проснулась, она увидела перед собой лицо Клавдии, которое светилось улыбкой.

– Милая моя, с днем рождения! Восемнадцать лет бывает только раз в жизни. Мы устроим тебе настоящий праздник!

Шурочка подняла на Клавдию свои огромные карие глаза, и они заискрились весельем, совсем, как в те далекие дни, когда она была маленькой девчушкой, о чем частенько любила вспоминать Клавдия.

– А ну-ка, вставай! – крикнула она, стаскивая Шурочку с постели. – Я буду шить тебе новое платье!

Клавдия подошла к окну и, распахнув его, впустила в комнату свежий запах летнего утра и лучи восходящего солнца.

Затем она сдернула новую скатерть со стола и приложила ее к Шурочке. Мягкий шелк ласково коснулся ее щеки, она блаженно потерлась о материю и вдруг уставилась на Клавдию.

– Что ты задумала сделать со скатертью? – спросила она.

– Не нужно ее жалеть. Ты должна быть у меня самой красивой, особенно в такой день! Поленька была бы довольна и счастлива!

На лице Клавдии сияла улыбка, которой трудно было противостоять.

Она разложила выкройки на столе и начала осторожно резать скатерть. Радостное настроение, исходившее от Клавдии, овладело Шурочкой, щеки у нее покраснелись, глаза блестели, и она то и дело смеялась, а Клавдия радовалась ее смеху.

Пока Клавдия занималась рукоделием, Шурочка выпорхнула за дверь и помчалась на луг за полевыми цветами. Собрав охапку душистых цветов, она отправилась на кладбище навестить родителей, которых очень любила и всегда помнила. Она прихватила с собой маленькое старое зеркальце, которое когда-то принадлежало матери. С тех пор, как ее не стало, Шурочка бережно хранила его. Как часто это зеркальце отражало лицо любимой мамочки, так часто, что оно должно было хранить в себе ее образ. Она чувствовала нежность к этому стеклу, глубокому, пустому стеклу, которое когда-то заключало в себе и отражало лица самых близких и дорогих людей.

Подойдя к простенькой, но очень ухоженной, могилке своих родителей, она с нежностью положила цветы на землю и, прижав зеркала к своим губам, прошептала:

– Я люблю вас, мои дорогие, и я знаю, что вы всегда со мной.

Потом она долго рассказывала им о своих повседневных делах, о любимой подружке Насте, и о том, как Клавдия неустанно заботится о ней и сегодня шьет для нее новое платье в честь восемнадцатилетия. Она пробыла там долго и уже собиралась идти домой, как вдруг ей пришло в голову навестить и бабушку Арину, могила которой находилась на другом конце кладбища, и Шурочка начала пробираться медленными, неслышными шагами по земле, наполненной мертвыми телами людей. Она долго блуждала, натываясь на чужие могилы, и не понимала, почему не может найти ее, будто какая-то неведомая сила не допускала ее туда. Она не в силах была идти дальше, у нее подкашивались ноги, и она присела на попавшуюся по пути скамейку. Шурочка слышала биение своего сердца и слышала что-то еще. Но, что же? Какой-то смутный, шипящий гул. Он словно доносился из-под земли. Она осмотрелась вокруг и оцепенела от испуга. Она увидела перед собой крест на могиле, возле которой сидела на скамейке, с надписью фамилии и имени своей бабушки, а у самого основания креста – клубок змей, которые просто кишели и издавали шипящие звуки. Обезумев от ужаса, она готова была кричать, но вдруг почувствовала, как чья-то

тяжелая рука опустилась на ее плечо.

– Не бойся, сейчас медленно вставай и спокойно, потихоньку следуй за мной, – услышала она незнакомый мужской голос.

Шурочка, вся дрожа, впиваясь губами в холодное зеркальце, точно искав защиту в нем, бессознательно двинулась за незнакомцем. Выйдя за ограду кладбища, она облегченно вздохнула и мгновение стояла молча, глядя в небо. Июньское небо было ясное и веселое. Незнакомец приостановился и, взглянув на Шурочку, слегка покраснел. Она была очень красива, стройна, изящна. Продолговатый овал лица, большие карие глаза и белокурые волосы, точно магнитом притягивали его взгляд. Он слегка наклонился и произнес:

– Ну, что ж, давай знакомиться, меня зовут Платон Журавлев.

Шурочка обратила взгляд на своего спасителя. Это был высокий красивый мужчина двадцати пяти лет. На нем была надета рабочая куртка. Вел он себя вежливо, даже немного робко, не смотря на свои широченные плечи.

Платон широко улыбнулся, показав белые крупные зубы. «Хороша девушка! А волосы какие!» – подумал он.

В глазах Шурочки блеснул озорной огонек: «Кого-то он мне напоминает. Как странно, когда лицо, как будто знакомое, в то же время незнакомое».

– Как тебя зовут?

– Шурочка Зорина.

– Можно, я провожу тебя?

– Как хочешь, – пробормотала она, и ее взгляд снова скользнул по его густым, выющим темным волосам и красиво очерченным губам.

Они пошли рядом, и его синие, глубокие глаза глядели на нее с откровенным восхищением. Из разговора выяснилось, что Шурочке не случайно показалось знакомым его лицо. В деревню он приехал совсем недавно и почти сразу оказался всеобщим любимцем. Шурочка вспомнила, как Настена водила ее на край деревни, чтобы поглазеть на нового молодого кузнеца. Она вспомнила дом, на стене которого крупными буквами было выведено слово «Кузница», украшенное веером из подков. Оттуда доносился неумолкаемый стук молота о наковальню, и в тусклом полумраке двора сверкали снопы искр. Поглазеть на красивого кузнеца бегали все деревенские девчата. Они смеялись, глядя, как он проходит мимо, скромно опустив глаза, а он не выносил их соленых словечек, и ему были противны их кривлянье и беспричинный смех. Этого упрямого, тяжеловесного, с медлительными движениями молотобойца вскоре вся деревня стала считать своим, настоящим парнем.

– А, что ты делал на кладбище? У тебя тут тоже есть кто-нибудь? – спросила Шурочка.

– Нет, я так. Зашел просто отдохнуть.

Шурочка с любопытством посмотрела на него.

– Тут разве отдыхают?

– А что? Как раз тут-то и можно отдохнуть, подумать. Я люблю зайти на кладбище и посидеть час-другой.

Шурочка еще более внимательно посмотрела на него.

– Почему ты так смотришь на меня? Думаешь, я не нормальный?

– Не думаю, но ты какой-то странный, не такой, как все.

– Просто меня влечет на кладбище определенное желание – я люблю здесь думать. Во всяком случае, здесь меньше всего людей, и никто не может помешать моим мыслям, а кресты... они стерегут свои тайны.

– О чем же ты сейчас думаешь?

– Сейчас? Я думаю о том, что только что спас тебя от лютой смерти, а ты не наградила своего спасителя благодарным поцелуем.

– Так бывает только в сказках.

– А ты разве не поняла, что наша с тобой сказка уже началась?

Шурочка заглянула ему в глаза – и в их синеве увидела любовь, любовь безмерную, согревающую и всепоглощающую. Она обвила его шею руками, его руки сомкнулись у нее за спиной, и он почувствовал ее губы – живые, теплые, желанные. Он крепче обнял ее и всмотрелся в ее лицо – лицо у нее было тихое, нежные губы приоткрылись и вздохнули изумленно и счастливо. Он наклонил голову и зарылся лицом в ее роскошных волосах, затем прильнул щекой к ее нежной щеке и, собрав всю свою волю, боролся со сводящим

его с ума отчаянным порывом. И вдруг он понял, что погрузился в сладкий сон, от которого ему уже не пробудиться. Они смотрели друг другу в глаза, улыбаясь, ни слова не говоря о своих чувствах.

Клавдия стояла на крыльце, пристально вглядываясь вдаль.

– Ну, где же она? Ушла и пропала. Как бы чего не случилось? – ворчала она, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Увидев Шурочку, она бросилась ей навстречу.

– Милая моя! – воскликнула она, и лицо ее просияло от радости. – Где ты была так долго? Пойдем скорее в дом, у меня для тебя готов сюрприз!

Она взяла платье и протянула его Шурочке. Шурочка прижала платье к лицу и в счастливом порыве кинулась к Клавдии, осыпая ее многочисленными поцелуями и в щеки, и в лоб, и в нос.

– Мамочка Клавочка, я так счастлива! Мне кажется, что я влюбилась!

Лицо Клавдии, расплывшееся в улыбке, от неожиданности вытянулось, и она, хлопнув рукой себя по подбородку, точно помогая закрыть рот, раскрывшийся непроизвольно от удивления, прохрипела:

– Вот уж, по истине, сюрприз! Так, кто же кому преподнес сегодня настоящий сюрприз?

И они, крепко обнявшись, залились звонким смехом.

IV

Настя с каждым годом становилась все более привлекательной. Исчезли веснушки, потемнели брови и ресницы, и к восемнадцати годам в ней проявилась своеобразная прелесть. Она не обладала яркой красотой. Ее фигурка была стройна, но чересчур худенькая. Только большие серые глаза и огненно-рыжие волосы сразу привлекали внимание. Настя была интересной и общительной девушкой и, точно магнитом, притягивала к себе всех деревенских девчат и ребят, но она ни с кем не делилась своими горестями и радостями, кроме Шурочки, которую считала своей единственной подругой, и сама была для нее хорошим другом. Настя обожала Шурочку с самого детства и готова была отдать ей все самое лучшее и даже «расшибиться в лепешку», чтобы чем-нибудь ее порадовать. Обе девушки были разные. Шурочка отличалась спокойным нравом, была тиха и скромна. Настя же вся кипела жизнью, не боялась принимать смелых решений, была упряма и имела редкостное самообладание – ничто не могло выбить ее из колеи. Может быть, именно эти контрастные свойства характеров и притягивали девушек, они как бы дополняли друг друга и черпали друг в друге то, чего не хватало каждой.

Почти все ребята в округе были влюблены в Настю, они табунами крутились возле нее, и каждый старался покорить

ее сердце. Иногда даже случались драки за право первенства в ухаживании за ней. Девчат же пуще всего занимало – когда и кого Настя выберет себе в женихи, но она не спешила.

Вот уже битый час Настя вертелась перед зеркалом, разглядывая то свое лицо, то фигурку, то свое новое платье.

– Бабушка, мне кажется, что у меня снова появляются веснушки на носу. Знай, что я этого не вынесу.

Настя обернулась к бабушке и состроила такую смешную, милую гримасу, что Мария Терентьевна не удержалась от смеха.

– Ты что? Боишься, что замуж не возьмут с веснушками?

– Вот еще выдумала. Я вовсе не собираюсь замуж.

– А чем же плохо выйти замуж?

– Замужество – это, знаешь ли, для безмозглых девчонок.

Я уже решила, что буду делать дальше, и я могу тебе сказать.

Мария Терентьевна нетерпеливо посмотрела на свою внучку и увидела в ее загадочных глазах хитрые искорки.

– Ну, говори, говори, я вся обратилась в слух.

– Я буду артисткой!

– Что-что? Кем ты будешь?

– Артисткой!

– Боже милостивый! Ты уверена, что у тебя есть для этого внешние данные?

– Ох, бабушка, я не собираюсь показывать свою внешность, я хочу играть по-настоящему, понимаешь?

– Не понимаю, – Мария Терентьевна покачала головой, – ты – и вдруг артистка!

Настя пожала плечами.

– Ну, а почему бы и нет? Я люблю петь, плясать, кричать, я даже могу заплакать просто так, – Настя, пританцовывая, прошлась по комнате, – да я просто создана для театра! К твоему сведению, я великолепна и когда-нибудь стану знаменитостью.

– А замуж ты не собираешься?

Настя скривила губки.

– Вот еще, надо больно. Всю жизнь подтирать мокрые носы и грязные попки, да еще подчиняться какому-то мужику, который вообразит себя моим хозяином. Ну, уж нет, это не для меня. Ты меня не одобряешь, бабушка?

– Я? Не одобряю? Живи, как хочешь, это не мое дело. Но я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива.

Настя отвела рыжую прядь волос, упавшую на глаза, и с нежностью поглядела на бабушку.

– Ты у меня умница, – продолжала Мария Терентьевна, похлопав внучку по руке, – но не надо так отгораживаться от всех мужчин. Придет время, и ты полюбишь кого-нибудь. Вон, посмотри, отбоя нет от парней, с утра отираются возле калитки, а Семен с Мишкой опять дрались из-за тебя.

– Бабушка, да не нужны они мне, – сказала Настя, выглядывая в окно, – а, что подрались, то дураки, – повысив голос, добавила она с намерением, чтобы ее услышали.

– Я так поняла, что чай мы с тобой сегодня пить не будем. А что может быть лучше чашечки чаю! – блаженно вздохнула Мария Терентьевна.

Настя улыбнулась и мигом водрузила на столе старый коричневый чайник.

– Сегодня у Шурочки день рождения, мы с ребятами решили отметить его на речке. Ты не жди меня, я буду поздно.

Она залпом выпила чай, протянула бабушке пустую чашку и с легкостью бабочки выпорхнула за дверь.

– Что ж, девочка моя, добрый тебе путь, благословляю тебя, только много ли пользы от моего благословения? Тебе надо научиться обуздывать свой нрав, не то он тебя погубит.

Настя скривила губы и пожала плечами. «И все же я предпочитаю жить сама по себе и никому не навязу себя в качестве женошкы», – подумала она.

Семен и Михаил в эту минуту оживленно разговаривали за калиткой.

Семен отличался своеобразной красотой. В его внешности было сочетание мечтательной грусти и необузданной дерзости. Белокурые волосы прядями вились вокруг тонкой шеи. Черты лица были идеально правильны.

Его одежда состояла из широких штанов и довольно тонкой, распахнутой рубашки, сквозь которую проглядывали белые, точеные плечи.

Михаил был крупным парнем, двадцати двух летним кра-

савцем. Он не был новичком в любви. Девушек притягивало к нему, точно магнитом. Влекомый вожделением, он время от времени сходил с ними, но скоро бросал их от пресыщения, а потом снова ощущал потребность общения с новой подругой. Природа одарила его крепким организмом, и он во все глаза смотрел на красивых женщин. Настя казалась ему необычной девушкой, и он, сам не зная, как и почему, сделался ее неразлучным спутником. Михаил знал в любви пока одно лишь наслаждение, а к Насте он чувствовал не только влечение, но и дружбу, и он не сумел дать этому чувству другого названия, как любовь.

Увидев Настю, они оба замолчали. Семен поцеловал ей ручку, а Михаил обнял за плечи и крепко сжал.

– Вот медведь, – сказала Настя.

– Медведь? Раньше ты меня называла Гориллой, – возмутился Михаил, – Горилла – нелестное сравнение.

– А медведь – лестное?

– Ну, пожалуй, это все-таки поласковой.

Настя взяла обоих юношей под руки и легко примерилась к их шагу.

– Ты, как всегда, собираешься дольше всех, – сказал Семен, – ребята уже давно на речке, наверное, ждали нас.

– А кто будет? – спросила Настя.

– Ну, мы, разумеется, Шурочка, конечно же, Любаша, Вера и Адик, – ответил он, пристально взглянув на нее, – или ты ждешь еще кого-то?

– Нет. А разве Шурочка не позвала Костю?

– Конечно, позвала, но ты же знаешь Костю. В последнее время он ни с кем не хочет общаться, замкнулся в себе и сидит дома, как бирюк. Попробуй, вытаци его.

Проходя мимо Костиного дома, Настя заметила, что он, чуть приоткрыв дверь, смотрит в образовавшуюся щель. Увидев ребят, он плотно закрыл дверь.

– Жаль парня, такой недуг терпит, – сказал Семен.

У Кости с рождения одна нога была, точно мертвая, едва шевелилась. До поры до времени он не придавал этому значения. Он рос вместе с другими ребятами, и, когда они бежали на двух ногах, он крепко держался на трех, костыли ему не мешали. Но с годами Костя становился взрослее, и костыли стали ему мешать. Все ребята уже провожали девчонок, а он ходил один, поскрипывая двумя постылыми спутниками. Костя вырос красивым, крепким юношей, но стал задумчивым и грустным, и с каждым днем все сильнее замыкался в себе, словно решил отгородиться от всего мира. Он давно уже любил Настю и, глядя на нее из окна своего дома, думал: «Какая же она красивая, я бы женился на ней, если бы не костыли. Но разве ей нужен калека?» Он думал о ней каждый день и мучился. Но в глубине души он верил, что, в конце концов, она поймет, что он тоже человек, ничему человеческому не чуждый, хотя все, кроме него, слишком легко об этом забывали. Увидев ее в обществе Семена и Михаила, он закрылся в своей комнате и, уткнувшись в подушку, запла-

кал от безысходности, проклиная свои костыли.

А над деревней пламенеющим закатом солнца красовалось июньское небо. В теплых струях воздуха ощущалась радость, исходившая от юных сердец.

Увидев Настю с двумя ее ухажорами, ребята захлопали в ладоши.

– Наконец-то, сколько можно ждать? – воскликнула Любаша, – Адик уже успел наловить рыбы, пока вы прохлаждались, сейчас будем уху есть.

На берегу горел костер, и огонь оранжевыми языками облизывал котелок, висевший над ним, вокруг которого суетился Адик. Недалеко от костра расположились Вера и Любаша, а Шурочка прогуливалась по берегу с мечтательным видом, и вся светилась от счастья.

Вдруг Михаил бросился в воду и поплыл на середину реки. Отплыв от берега, он крикнул:

– Кто самый смелый? Плыви за мной!

– Ты думаешь, что ты у нас самый храбрый? – отозвалась Настя и, не задумываясь, кинулась в воду.

– Ребята, не заплывайте далеко, это опасно! – крикнула Шурочка.

Но Настя чувствовала себя в воде, как рыба, и очень быстро настигла Михаила.

– Ты плаваешь, как Русалка, – сказал он, – давай на перегонки к берегу.

– Ты проиграешь, – ответила Настя.

– А если выиграю, ты меня поцелуешь?

– Вот еще выдумал.

– Ну, хотя бы в щечку, договорились?

– Ладно, все равно проиграешь.

Шурочка стояла по колено в воде, наслаждаясь прохладной водой, и с нетерпением ждала их возвращения. Семен присел рядом с Верой и Любашей. А Адик, забыв про свою уху, бегал по берегу, размахивая руками, и кричал, подзадоривая пловцов. Настя оказалась победительницей в этом соревновании и радовалась, словно ребенок. Михаил скривил губы от досады, что лишился ее поцелуя. Еще некоторое время они, точно дети, громко смеялись и плескали руками воду друг на друга. Адик, довольный победой Насти, вернулся к костру, а Семен, пристально наблюдавший за происходящим, наклонился к Вере и шепнул ей на ухо:

– Как же ты терпишь все это? Или у вас все кончено с Михаилом? Он же откровенно волочитя за Настей, или ты его больше не любишь?

Вера опустила глаза, и румянец растекся по ее щекам.

Когда Михаил и Настя вышли из воды, ужин был уже готов. Он представлял собой наваристую уху в чугунном котелке и картошку в мундире, запеченную на костре, а еще свежее молоко и вареники с земляникой, которые приготовила Клавдия для Шурочкиных друзей в честь ее дня рождения. Вечер был чудесным. Вода в речке подернулась небольшой рябью и словно дремала на закате дня, а легкий ветерок

приносил ее свежий вкус и ароматный запах еды, казавшейся всем присутствующим необыкновенно вкусной.

Весь вечер Адик посматривал на Веру странным взглядом, он шутил, как всегда, и был игриво настроен. Он откровенно ухаживал за ней, а она не отрывала глаз от Михаила, который делал вид, что не замечает ее.

– Ребята, как хорошо вы плаваете, я от души завидую вам, – сказала Шурочка, – Настя, ты, как Русалочка, а ты, Миша, как рыбка.

– Да уж, рыбка, скорее акула, – сдержил Семен, – гляди в оба, Настя, сожрет тебя и глазом не моргнет.

Все рассмеялись, кроме Веры.

– Пойду, прогуляюсь по берегу, – тихо сказала она.

– Я с тобой, – поднялась Любаша, отряхивая юбку от песка.

Они пошли по самому краю берега, их ноги легко погрузались в песок, и вода тут же ласково облизывала их.

– Да не убивайся ты так, – сказала Любаша, взяв Веру под руку, – ты же знаешь, что он ни одной юбки мимо себя пропустить не может. Забудь ты его, он не стоит тебя. Ты такая хорошая, красивая, добрая. Посмотри лучше на Адика. Вон он как вьется около тебя. Уж он-то на руках носить тебя будет.

– Нет, Любаша, не нравится он мне. Да и что за имя у него – Адам? Вот и прозовут нас люди – Адам и Ева, насмешка какая-то. Да и ноги у него кривые. Родятся у нас дети – кри-

воножки и станут проклинать нас за это.

– Фу, какие глупости ты говоришь. Главное, чтоб верный был, да любил бы тебя одну. А этот, твой Мишенька, будет гулять до самой смерти. Не зря же люди говорят, что горбатого могила исправит. Зачем тебе такой?

– Ничего ты не понимаешь, подружка, я люблю его, люблю безумно, ушла в любовь, точно в омут с головой, и ничего не могу с собой поделаться. Знаю, что гуляет, а все ему прощаю, лишь бы не бросил меня.

За разговором девушки не заметили, как сзади к ним подкрался Адик. Он игриво подхватил Веру своими сильными руками, точно ребенка, и поцеловал ее в обе щеки звонкими поцелуями.

Любаша с улыбкой смотрела на них и думала: «Как же ты ошибаешься, Верочка, вот он бы сделал тебя счастливой, он уже сейчас тебя носит на руках». Непроизвольно, переведя взгляд на Михаила, она увидела, что тот, весь бледный, как полотно, не сводит глаз с Адика и Веры. Ее губы скривились в злорадной улыбке и прошептали: «Так тебе и надо».

В это время Настя беседовала с Шурочкой. Шурочка рассказывала подруге о случайной встрече с Платоном на кладбище, о том, что он спас ее от змей, и, что они уже поцеловались.

– Так почему же ты не пригласила его на день рождения? – спросила Настя.

– Я пригласила, но он отказался. Он такой стеснительный.

Но завтра мы пойдем гулять вдвоем.

– Шурочка, ты не обидишься, если я сейчас уйду?

– Куда?

– К Косте. Он сейчас совсем один, и я чувствую, что ему плохо, – на минуту Настя задумалась.

– А как же Михаил?

– А что Михаил? У него есть Вера.

– Но мне кажется, что он любит тебя.

– Ты ошибаешься, Шурочка, не любит он никого. Девушки для него, точно книги, пролистал одну и тянется к другой, третьей, пятой, десятой. И глаза у него пустые. А у Кости в глазах какое-то внутреннее сияние, что-то его преобразует, понимаешь?

– Да, он красивый.

– Он не просто красивый, он единственный, другого такого нет.

Настя поцеловала Шурочку и осторожно, чтобы никто не заметил, исчезла, будто растворилась в воздухе.

Костя сидел на крыльце возле своего дома. Спрятавшись за деревом, Настя какое-то время стояла молча, всматриваясь в его лицо. Широкое лицо, прямые брови, черные длинные ресницы и чудесные темные глаза, а веки почти всегда припущены, будто скрывают его мысли.

– Кто здесь? – неожиданно прозвучал его голос.

Настя очнулась от задумчивости, и, оказалось, он внимательно смотрит на нее, как она рассматривает его. Минуту

он смотрел ей прямо в глаза настороженным взглядом, не то чтобы с изумлением, скорее испытующе. Потом спокойно перевел взгляд на своего кота, расположившегося на коленях хозяина, и, погладив его пушистую шерсть, произнес:

– Присоединяйся к нам. Хочешь, я угадаю, зачем ты пришла?

– Хочу, – с улыбкой ответила Настя.

– Адам, как всегда, наловил рыбы, угадал?

– Угадал.

– И ты утатила рыбку, чтобы угостить моего кота?

– Нет, сейчас не угадал. Мне просто захотелось посидеть с тобой на крылечке и поболтать о том, о сем.

– О чем же?

– Костя, я, наверное, скоро уеду в город. Я решила стать артисткой.

На мгновение ей показалось, что глаза его наполнились слезами. Но, когда он повернул к ней свое лицо, на нем сияла улыбка. Настя мысленно тряхнула себя за плечи – не выдумывай лишнего!

– Я рад за тебя, ты молодец, ты знаешь, чего ты хочешь, и ты храбрая. Я уверен, что у тебя все получится.

Настя смотрела на него широко раскрытыми глазами и думала: «Что со мной происходит? В человеке, который столько лет был просто другом, увидеть вдруг мужчину, желанного мужчину». И мысль эта ничуть не была противна ей. Она видела не только красивые черты лица, но своеобраз-

ную личность. Он что-то говорил, а она смотрела на его ярко-очерченные губы, не слыша слов, слетающих с них. Вдруг Костя осторожно сжал ладонями ее худенькое личико, улыбнулся ей так ласково и нежно, что она, в свою очередь, стиснула его руки, будто старалась впитать в себя его любовь. Она не могла говорить, сердце ее замерло, и их губы слились в длительном горячем поцелуе. Некоторое время они сидели лицом к лицу так близко, что каждый ощущал дыхание другого, и каждому из них показалось, что он видит другого впервые. Потом, словно очнувшись от сна, она тихонько произнесла:

– Костя, мне пора домой.

Перед тем, как открыть свою калитку, Настя встряхнулась и зашла в дом спокойной, безмятежной, уверенной в себе. Бабушка уже спала глубоким сном. Настя тихонько, на цыпочках, прокралась в свою комнату. Остановившись у зеркала, она внимательно заглянула в него и, увидев там свое отражение, решительно произнесла:

– Поцелуй – подобие молнии, страсть – подобие грозы, они налетают, а затем все успокаивается, как природа после бури, и жизнь течет по-прежнему. Не смотря ни на что, я не отступлюсь от своей мечты. Я должна уехать, и, чем быстрее я уеду, тем будет лучше и для меня, и для Кости.

После того, как Настя ушла с речки, ребята еще некоторое время наслаждались теплым летним вечером, доедали уху и

вареники и хохотали над шутками, которые просто сыпались с уст Адика. Потом Адик пошел провожать Веру и Любашу, а Семен с Михаилом задержались на берегу.

– Если ты собрался к Насте, то только через мой труп, – решительно заявил Семен.

– Опять будем драться? – Михаил сжал ладони в кулаки.

– Я готов, – огрызнулся Семен, приготавливаясь к нападению соперника.

– Да успокойся ты, не буду я с тобой драться. Сегодня я иду к Верке. Как-то странно она вела себя с Адиком, уж не собралась ли поменять меня на него?

– Ну и гад же ты! Определись, наконец, кто тебе нужен – Вера или Настя?

– А это, друг, не твое дело. С Веркой мне хорошо, но она уже моя, а Настя – другое дело. Ее добиваться надо, и я обещаю тебе, что добыю, Настя будет моей.

Дружески похлопав Семена по плечу, Михаил зашагал в ту сторону, где жила Вера.

V

Вера Кондратьева жила со своей матерью и отчимом. Высокого роста, с ясными глазами и длинной толстой косой, она считалась самой красивой девкой в деревне, самой красивой, но и самой старой невестой. Ей было двадцать четыре года, а она все еще была не замужем, по непонятной никому причине отказывая всем женихам. Но вскоре эта причина стала известна всем – страстная, необъяснимая любовь к Михаилу, любовь, ставшая для нее чуть ли не болезнью.

Родной отец Веры был низкорослым и чахлым мужичонкой, любил побаловаться самогоном. Баловался, баловался, да так втянулся, что и дня уже не мог прожить без него. Зальет глаза с самого утра и ходит по деревне, трясет лохмотьями. Остановит каждого встречного, да жалуется:

– Вот помру я – что тогда? Ничего. Сына бы мне надо, а баба моя дочерь народила – Верку. А я предупреждал ее – смотри у меня, дочерь народишь – знать тебя перестану. А с другой стороны, дочерь – она, хоть и не сын, да моих кровей. Понятно? Так что вечно я буду на земле.

В один из жарких летних дней забрел он на соседский двор к Егору, а там за столом сидели мужики.

– Ну, чего стоишь, Петр? Заходи, выпей с нами за мою радость. Баба моя сына мне родила, – крикнул Егор.

– Выпью, коли нальешь, – отозвался Петр.

– Пей, сколько влезет, не жалко, я сегодня добрый, радость-то какая!

Егор налил самогон в большой стакан и протянул Петру. Тот выпил весь стакан залпом.

– А еще выпьешь за сына моего?

– Выпью, коли нальешь.

Егор протянул Петру второй, налитый доверху, стакан, и Петр снова осушил его. После третьего стакана мужики взяли его под руки и притащили домой еле живого. Мать Веры, привыкшая к его пьянкам, не обратила на него никакого внимания.

– Бросьте его в сарай, пушай там проспится, а то изба насквозь им провоняет, – сказала она мужикам.

Утром она пошла в сарай, глянуть, проспался ли ее никчемный муженек, но обнаружила там его бездыханное тело.

– Господи, милостивый, спасибо тебе, что освободил меня от этого пьяницы, – промолвила мать Веры, перекрестившись.

Узнав о смерти Петра, Егор примчался к ней и, запыхавшись, затараторил прямо с порога:

– Нюра, я тут ни причем. Самогонка у меня чистая, как слезка. Мы все пили, и никто не помер, как видишь, а Петр пришел уже навеселе, может он уже отравлен был?

– Да успокойся ты, Егор. Не обвиняю я тебя ни в чем, сам виноват, сколько пить-то можно? Здоровье же не лошадиное. С утра до ночи пил. У него в жилах уж вместо крови само-

гонка текла. Какое же сердце выдержит?

После похорон мужа Нюра была не долго одна. В двадцатом году мимо деревни проходила группа переселенцев. Некоторые остались в Бутурлинке. Одному из них она и приглянулась. С этого времени Федор и Нюра стали жить вместе, как муж и жена.

Колхоз в Бутурлинке только зарождался, и председатель принимал всех переселенцев с радостью. «Люди нам нужны, пусть остаются, корни пускают», – рассуждал он.

Федор со всеми был приветлив и радушен. Было в его характере что-то такое, что притягивало людей. Он был не разговорчив, но щедр. В праздники двери их дома были открыты для всех. Угощал он не богато, но стакан самогона, да кусок хлеба с салом находил всякому. Он был добр и отзывчив ко всем, кроме Веры. Как-то сразу невзлюбил он ее. В ту пору Вере было пятнадцать лет.

– Хватит Верке дома сидеть, – сказал он однажды, – вон кобыла какая вымахала, я что, должен спину на нее гнуть? Хватит хлеб даром жрать, пущай работать идет.

Вера умоляюще взглянула на мать, но та ничего не ответила. С этого дня она начала работать на общих работах: косила сено, жала серпом хлеба, веяла зерно. К любому делу она относилась очень старательно, но, не смотря на все ее старания, отчим чуть ли не каждый день «обливал ее ведром помоев».

Постепенно приветливость и радушие Федора убавля-

лись. Люди заходили к нему все реже и реже. Он обнес плетнем весь дом, включая большой огород, на окна сделал дощатые ставни.

Когда Вере исполнилось восемнадцать лет, отчим стал поговаривать о том, что ей пора замуж. Он твердил об этом каждый день, будто хотел быстрее избавиться от нее. Но годы шли, а она все еще сидела в девках.

Однажды вечером он вошел в ее комнату. Вера даже вздрогнула. Несколько минут они смотрели друг на друга: Вера – сидя в кровати, Федор – стоя у двери, ухватившись за косяк. Он загораживал своим большим телом весь дверной проем. Вера сидела спокойно, только подобрала с пола босые ноги и спрятала их под ватное одеяло.

– Ну?! – вопросительно произнес Федор.

– Чего «ну»? – переспросила Вера.

– И долго ты будешь сидеть на моей шее?

– Я не сижу на твоей шее, я работаю наравне со всеми.

– Смотри, какая смелая стала!

Федор все так же стоял у двери, Вера все так же сидела на кровати. Они в упор смотрели друг на друга: Федор – с немым бешенством, а во взгляде Веры были и обида, и упрямство, и укор. Она усмехнулась, и Федор ощутил в ее усмешке струйки ненависти и презрения.

– Ну, ты и зараза! – с яростью прокричал он, но сразу же замолк и вышел из комнаты.

На следующий день Вера решила отомстить отчиму за все:

и за то, что заставлял ее работать, не покладая рук, и за то, что постоянно ее оскорблял и унижал. Вечером, после работы, когда мать накрыла на стол ужин и вышла во двор, чтобы отнести теплую воду своему мужу для умывания, Вера достала из шкафчика соль, насыпала ее в глубокую деревянную ложку и высыпала в тарелку отчима, в которой дымилась ароматные домашние щи. Когда все уселись за стол, и Федор с большим аппетитом хлебнул щей из своей тарелки, глаза его засверкали в бешенстве. Он кинулся на Веру и заорал так, что в окнах зазвенели стекла:

– Ах, ты дрянь такая, дура безмозглая! Убью, зараза!

Нюра испугалась за свою дочь и загородила ее своим телом.

– Беги, Верка! – крикнула она.

Вера выскочила на крыльцо в домашних тапках и со всех ног припустилась к своей подруге Любаше Горшениной.

Федор пошел на Нюру. Лицо его, покрытое капельками пота, спутанные волосы, блестящие рысьи глаза становились все ближе и ближе. Он наотмашь хлестнул ее рукой по лицу. Она упала на колени и испуганно глядела на мужа снизу.

– За что?! – крикнула она.

– За дочь твою бестолковую! Защитила ее – так сама получай!

Осатанев окончательно, он схватил ремень и начал хлестать жену, куда попало. Она только прикрыла руками го-

лову и вздрагивала, когда ремень обжигал ей спину. Наконец, Федор выдохся, отшвырнул ремень, подошел к кровати и рухнул на нее. Нюра до утра так и пролежала на полу неподвижно, из глаз ее неслышно катились слезы. Вера вернулась домой под утро, дождавшись, когда отчим уйдет на работу. Она со слезами кинулась на шею матери:

– Мама, брось его, он злой, зачем он тебе?

– Верочка, дочка моя, как же без мужика-то? Без мужика-то плохо. А он работающий, непьющий, не то, что отец твой был – пьяница некудышный. Ты только не связывайся с ним, помалкивай себе, а я-то уж постараюсь, чтоб он тебя не трогал.

Федор Нюру больше никогда не бил и дочь ее оставил в покое. Вера никогда больше не обращалась ни к нему, ни к матери, ни о чем не просила, никогда не спрашивала совета. После работы она целыми вечерами пропадала у своей подруги Любаши. Придя домой, она не просила есть, а молча ждала, когда мать соберет на стол и позовет ее после того, когда поест отчим. Единственной радостью ее был Михаил. Они вместе бегали на луг, собирали луговые ягоды, весело ели их, вымазывая красным соком губы и щеки, а потом валялись в пахучей траве и смотрели, как бегут по небу облака.

Однажды вечером Михаил сидел вот так на травянистой поляне, а Вера лежала у него на коленях, лежала и смотрела на розовый закат.

– Вера, я люблю тебя, – сказал он, – а ты меня любишь?

Глаза ее раскрылись еще шире, когда она увидела низко над собой его лицо, сердце ее захлебнулось от счастья. И в тот же миг исчез и закат, и деревья над головой, исчез весь мир. И с этого дня она уже не представляла свою жизнь без него.

Но безоблачное счастье длилось недолго. Михаил не мог принадлежать только ей одной. Она страдала от его измен, но продолжала любить преданно и страстно. Эта любовь с каждым днем все возрастала и укреплялась в каждой клеточке ее тела. Но сейчас она испытывала особенную боль. Она чувствовала, что Михаил ускользает от нее, что в его сердце прочно поселилась Настя. Вот уже целый месяц он не приходил к ней по вечерам, как раньше, и она коротала ночи в одиночестве, в своем любимом сарайчике, в котором жила летом, чтобы реже попадаться на глаза отчиму, и, который стал уютным гнездышком для встреч со своим единственным и любимым.

Попрощавшись с Любашей и Адамом после Шурочкиного дня рождения, она зашла в свое жилище и тяжело вздохнула. Здесь было чисто и уютно. Она обвела взглядом все вещи, находившиеся в этой милой душе комнате, и сердце ее защемило. Она с грустью погладила край постели, на которой остался отпечаток тела Михаила, подушку, на которой лежала его голова, спинку стула, о которую опиралась его рука. Потом подошла к столу и взяла в руки бокал. Это был любимый бокал Михаила. Она поднесла его к своим губам, буд-

то надеялась почувствовать его губы, которые когда-то касались этого бокала. «Он никогда больше не придет ко мне», — мелькнула мысль в ее голове, и невольная дрожь пронзила все ее тело.

Вера уже не ждала его, когда Михаил вошел в сарай. Она, одетая, лежала на не разобранный постели и, положив руку под голову, смотрела в потолок. Она лежала в темноте и, услышав скрип двери, спросила, не вставая:

– Кто там?

Секунду-две Михаил молчал, а затем сказал приглушенным голосом:

– Я это.

Услышав любимый голос, она стремительно соскочила с постели. Она прижала руки к груди, точно боялась, что сердце ее выскочит, но, собрав все свои силы, задыхаясь, выговорила:

– Чего тебе? Чего ты хочешь от меня, Миша?

– Пришел вот к тебе, — ответил он.

– Уходи. Все видят, как ты обхаживаешь Настю. Уходи, ради бога! — взмолилась Вера.

Голос ее дрожал и обрывался.

– Мне перед людьми стыдно. Всех баб в деревне перебрал, а я для тебя — запасный вариант.

Вера, пошатываясь, побрела вдоль стены сарая, остановилась возле стола и зажгла свечу. Свеча ослепительно загорела, света ее хватало на эту маленькую комнату, а за окошком

стояла густая тьма.

– Вера, перестань ревновать, ты же знаешь, что я люблю только тебя.

– Почему тогда не женишься на мне? Мне уже двадцать пятый год пошел, сколько мне ждать еще?

– Но мне-то всего двадцать два, рано мне жениться.

– Ты хочешь сказать, что я стара для тебя? Так зачем пришел? Отпусти ты меня, мочи нет больше, исстрадалась я вся, – горько и отрешенно произнесла она.

– Прости меня, Верочка, прости! – всхлипнув, как мальчишка, Михаил кинулся к ней, обнимая и сползая к ее ногам.

– Что ты, что ты, Мишенька? – растерянно проговорила Вера.

Голос ее перехватило, по бледному лицу пробежала судорога. Обессилив, она присела на постель, положила к себе на колени голову Михаила и стала ее гладить. Спина его качнулась и начала выпрямляться, лопатки на спине сошлись, он жадно хватал ртом воздух, словно нечем было дышать, потом навалился на нее всем телом, точно хотел раздавить.

– Мишенька, любимый мой! – прошептала она.

Рассвет еще не наступал, хотя за окнами быстро просыпалась жизнь. Сперва прокричали петухи, оповещая, что ночь кончилась. Потом проскрипели чьи-то торопливые шаги. Совсем недалеко раздался беззаботный девичий смех. Это, наверное, доярки пошли на работу. Михаил поднялся, опустил ноги на пол. Вера открыла глаза.

– Ты придешь вечером? – спросила она.

– Ты не сердись на меня, Вера, пойду я, а то твой отчим застукает нас.

– Значит, не придешь, – тяжело вздохнула она.

Когда он ушел, она молча лежала на постели и смотрела на дверь, за которой он скрылся. В ее глазах была разлита грустная, никому не высказанная, тоска.

VI

Утром Шурочка проснулась в великолепном настроении. Был воскресный день, и Клавдия решила отправиться в церковь. Она уже собралась выйти из дома, как на пороге появился Платон. Он вежливо поклонился и сказал, что пришел знакомиться. У него был счастливый вид. Черные волнистые волосы бросали тень на гладкий загорелый лоб, а ровные широкие брови придавали глубину синим глазам. Платон заговорил о деревне, о том, что считает эту местность очень живописной, что во время своих одиноких прогулок обнаружил немало чудесных видов. Клавдия внимательно слушала его и замечала, как по временам глаза его, будто случайно, встречались с глазами Шурочки, и она читала в них восхищение и живой интерес. Клавдия нашла его очень милым и пригласила к обеду. Она с нежностью посмотрела на Шурочку и отправилась в церковь, а Платон позвал Шурочку прогуляться по берегу реки.

Некоторое время они шли молча, оба были немного смущены. Им было хорошо друг возле друга. Солнце поднималось все выше и выше, прозрачный туман рассеялся, и река, гладкая, как зеркало, засверкала на солнце. Шурочка взволновано прошептала:

– Как красиво!

– Да, очень красиво, – подтвердил Платон.

Красота этого утра находила созвучие в их сердцах.

Откуда-то прилетела пчела и стала сопровождать молодую пару. Она несколько раз пыталась сесть прямо на нос Платону, он ее смахивал, а она расположилась у него на плече и, казалось, сторожила его нос, поминутно пытаясь снова сесть на него. При каждом полете пчелы раздавался звонкий смех Шурочки.

– Вот упрямая, так и норовит тяпнуть меня за нос, и как же я с распухшим носом заявлюсь к Клавдии на обед? – и они снова смеялись, а у Шурочки на глазах от смеха выступили слезы.

Они прошлись по берегу, потом миновали барский дом, где раньше размещалась школа, и очутились на открытой равнине, уходившей перед ними вдаль. Шурочка была взбудоражена новыми, непривычными ощущениями. Кругом стрекотали кузнечики, и других звуков не было слышно под ясным небом. Поодаль виднелся густой лес, и они направились туда. Под сенью огромных деревьев тянулась узкая тропинка. Когда они вступили на эту тропинку, на них пахнуло плесенью и сыростью, но они шли все дальше.

– Вот здесь мы можем посидеть, – сказал Платон, указывая на засохшее дерево, через прогалину листвы которого прорывался поток солнечного света, согревавший землю.

Молодые люди уселись так, чтобы голова была в тени, а ноги грелись на солнце. Они говорили о себе, о своих привычках, вкусах. Платон сообщил ей, что ему надоела пустая

жизнь, что он редко встречал искренность и правду и, что ему пришлось по душе их деревушка. За разговором все чаще встречались и улыбались друг другу их глаза, и им казалось, что души их наполняются добротой, любовью и интересом ко всему тому, что не занимало их прежде.

Они возвратились к обеду, за столом были болтливы, как школьники на переменах между уроками, любой пустяк служил поводом для бурного веселья. Когда Платон ушел, Клавдия, заметив, как сияет от счастья Шурочка, сказала:

– Не твой ли это суженный?

Шурочка опустила глаза, и щеки ее залились румянцем.

Вечером она была необычно взволнованной, ей хотелось и смеяться, и плакать одновременно. Она достала свою любимую тряпчатую куклу, которую когда-то сшила сама, и, как любимую подругу, прижала игрушку к губам, осыпая страстными поцелуями ее мягкие щеки. Она держала куклу в руках, а сама думала о нем, и сердце ее замирало. С каждым днем волнующее желание любви все сильнее овладевало ею. Она бегала на луг, срывала ромашки и гадала по их белоснежным лепесткам. «Он ли тот, кто создан для меня одной? Не уж то я влюбилась?» – размышляла она. И вскоре она уже думала о нем беспрестанно. В его присутствии у нее стремительно билось сердце, она краснела, встречая его взгляд, вздрагивала от звука его голоса.

Платон в то же время пользовался каждым предлогом, чтобы повидать Шурочку. Он каждый вечер, после работы,

приходил к ее дому, облюбовал уголок в самой глубине деревьев и мог часами сидеть, наблюдая за ней. Он не сводил глаз с Шурочки, когда она сновала по двору, его мысли медленно скользили в его затуманенной голове. Было полночь, потом час, потом два часа. Домишки вокруг засыпали один за другим, опускалась глубокая тишина, а он все сидел на опустевшей темной улице и не хотел уходить в свой одинокий холостяцкий дом.

Однажды он появился и заявил твердым голосом:

– Клавдия, я прошу Шурочкиной руки.

Потом приблизился к Шурочке, встал на одно колено, взял ее руку и поцеловал долгим и нежным поцелуем. Внезапно он поднял голову и взглянул ей прямо в глаза:

– Ты согласна стать моей женой?

Она растерянно посмотрела на Клавдию, лицо которой застыло в широкой улыбке, затем на Платона и пролепетала, краснея до корней волос:

– Согласна.

– Я не возражаю против вашей женитьбы, – сказала Клавдия, – если Шурочка станет твоей женой, ты будешь мне, как сын. Ты не плохой парень и нравишься мне, – не переставая улыбаться, продолжала она.

Раз дело было решено, они не стали медлить с развязкой. Венчание назначили на конец июля, через месяц. Весь месяц Платон и Шурочка ждали свадьбы с нетерпением. Они купались в чувствах пленительной влюбленности, упивались пре-

лестью невинных ласк, пожатия пальцев, страстных взглядов и поцелуев и томились желанием настоящих любовных объятий.

Когда был назначен день свадьбы, Шурочка помчалась к Насте поделиться своей радостью. Открыв калитку, она наткнулась на Елизавету Афанасьевну. Ее черты были угрюмы. Поседевшие волосы спускались на плечи беспорядочными прядями, а большие глаза, глубоко ввалившиеся, бросали странные взгляды. Все ее движения были порывисты и резки, как и мысли, волновавшие ее. Она металась по двору, говорила и смеялась сама с собой. Шурочка поздоровалась с ней, но Елизавета Афанасьевна посмотрела на нее блуждающим взглядом и ничего не ответила.

Вот уже пять лет, как она потеряла рассудок. После того, как пришло известие из города о смерти ее мужа, она сразу же слегла. Все думали, что она не выживет. Елизавета не умерла, но с этой минуты ее судьба была обречена. Сначала она жила воспоминаниями. Какой великолепной казалась для нее та прежняя жизнь, жизнь с любимым Анисимом! Она была гораздо моложе его, красивая и добрая, с ласковым лицом, вышла замуж за него по любви и любила его всю свою жизнь. Он никогда ни в чем не упрекал и не бранил ее, а она всегда покровительствовала ему. Когда он болел, она, не щадя себя, ухаживала за ним. Часто по ночам сидела рядом, а он, дочитав очередную книгу, делился с ней своими мыслями и суждениями. Она умела с восхищением слу-

шать его бурные речи и уговорить его немного отдохнуть и заснуть. Книги составляли часть его самого, а Елизавета, казалось, составляла часть его книг. Ее присутствие смягчало его. Он знал, что любим и боготворил ее. Он говорил ей об этом двадцать раз на дню, а она, слушая его, улыбалась. Как они были счастливы!

После его смерти глаза ее потухли и никогда больше не светились тем блеском, каким светились когда-то для Анисима. Цвет лица, удивительной чистоты, с каждым днем менялся, становясь все бледнее. С цветом лица менялось и выражение, оно стало печальным и безжизненным. Раньше она любила рассказывать детям разные забавные истории. Сейчас же она говорила такие вещи, от которых леденило кровь, говорила о каких-то демонах, ночных танцах вокруг деревьев. Все эти рассказы подтверждали, что на ее разум легла таинственная завеса, которую уже невозможно было отстранить. Душа ее питалась прошлым. Мысли и воспоминания, ощущение печали и удовольствия – все мешалось необъяснимым образом в ее голове. Нередко она бродила между деревьями и кустарниками и предавалась видениям. В последнее время эти видения усилились. Едва наступала темнота, Елизавета начинала стонать. Она стонала протяжно, как волчья стая. Стон вырывался из дома, катился по крыше, был слышен везде. Потом она тихонько прокрадывалась во двор и начинала с кем-то разговаривать. Она говорила, смеялась, бурно жестикулировала, словно там, в темноте, был кто-то

еще, невидимый для других, но тот, кого она видела, с кем общалась и кого ждала каждую ночь. Она видела своего Анисима, слышала его голос. Это была ее бессмертная любовь, бесплотная часть ее души, то, что она лелеяла на протяжении стольких лет. Ее охватывал бурный восторг, когда он выходил к ней из темной глубины.

Шурочка стояла, прикованная к калитке, еле дыша. Она стояла неподвижно, с орошенным слезами лицом. Наконец, на крыльце появилась Настя.

– Мама, ты зачем вышла? Иди в дом скорее, иди, моя хорошая, бабушка тебя сейчас будет кормить, – сказала она, ласково обняв свою мать.

Настя увела ее в дом и через минуту – другую снова показалась на крыльце.

– Бедная Елизавета Афанасьевна, – проговорила Шурочка, вытирая слезы.

Настя подошла к ней ближе и сказала:

– Шурочка, ты должна мне помочь. Мы с бабушкой не можем справиться с ней. Каждую ночь она повадилась уходить из дома. Я очень боюсь за нее. Не могла бы ты сегодня переночевать у нас?

– Конечно, моя дорогая. Я только отпрошусь у мамочки Клавочки и приду.

Шурочка пришла к Насте, когда уже стемнело. Как только пробило двенадцать часов, Елизавета Афанасьевна крадущейся походкой вышла из дома. Настя с Шурочкой не ло-

жились спать, они были начеку. Дверь медленно отворилась. Девушки стояли на крыльце, не находя себе места. В тот же миг до них долетел мерно усиливающийся протяжный стон.

– Это она его зазывает, – прошептала Настя.

– Кого? – с изумлением спросила Шурочка.

– Призрака моего отца. Она сначала воеет, как волчица на луну, а потом появляется он, и они общаются всю ночь, разговаривают, смеются, танцуют.

– Настена, мне страшно, – дрожащим голосом произнесла Шурочка.

– Не бойся, трусиха, нас же двое. Мы должны прогнать его, ведь это не отец мой, а демон, и это он сводит мою маму с ума.

Внезапно раздался смех Елизаветы. Она с любовью смотрела на какой-то куст, затем вдруг протянула руки и повесила на ветку гирлянду цветов, которую тайно взяла у Насти. Настя узнала в этой гирлянде цветы, подаренные ей Костей. В эту минуту Елизавета позабыла все, за исключением того фантастического мира, в котором сейчас царила. Присутствие Анисима довершало эту иллюзию, которая навсегда похитила сознание действительности. Она чувствовала его чистый, спокойный лоб, его блестящие глаза внушали ей силу, и его присутствие вдохновляло ее на необъяснимые поступки. Она закружилась в танце и залилась безудержным смехом. Вдруг ее взгляд невольно упал на крыльцо, и лицо ее исказилось. Она издала звук, похожий на рычание зверя, и

бросилась за калитку. Девушки мигом соскочили с крыльца и кинулись за ней, но в темноте потеряли ее след. Всю ночь они блуждали по деревне, разыскивая ее, обошли все улочки, весь берег реки, вышли на поляну, кричали, звали ее, но так и не смогли найти.

– А вдруг она убежала в лес? – спросила Настя.

– Я не пойду в лес, там страшно, да и заблудиться можно, – взмолилась Шурочка.

– Ладно, пойдем домой, – устало выговорила Настя, – немного поспим, а потом возобновим поиски.

Когда они вернулись, уже забрезжил рассвет.

– Смотри! – воскликнула Шурочка.

Безумная женщина испуганно выглядывала из-за вязанки дров. Она смотрела на них блуждающим взглядом, а потом вдруг прокричала:

– Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку!

Настя увела ее в дом и уложила в постель. Мария Терентьевна все время плакала, а Шурочка медленно поплелась домой, перебирая в голове весь ужас пережитой ночи.

Целый день Настя просидела на крыльце, погруженная в свои мысли. Какой-то мужчина прошел медленными шагами с опущенной головой совсем возле дома. Она внезапно подняла глаза и вздрогнула, узнав в нем своего отца. У нее вырвалось невольное восклицание:

– Папа!

Но на улице было пусто. Никого не было вокруг. Тут на

крыльцо вышла Мария Терентьевна и тихо произнесла:

– Настенька, Лизонька наша умерла.

Настя закрыла лицо ладонями, и под ними по ее щекам безудержно потекли горячие слезы.

VII

Глаза Насти затуманились, когда она смотрела на невысокий холм, под которым лежала ее мать. Люди потихоньку расходились с кладбища по домам, а Настя стояла, как вкопанная, и смотрела на землю, которая навсегда сокрыла в себе тело самого родного для нее человека. Уже все разошлись, а она все стояла и стояла на могиле своей матери, боясь шелохнуться.

– Мама, мамочка, – с трудом выговорила она, несмотря на стоявший в горле ком, и слезы навернулись у нее на глазах при звуках этого слова.

Она попробовала двинуться с места, но от каждого движения ломило все тело. Несмотря на пронзительную боль, она медленно поплелась к дому. Казалось, дороге не будет конца. В ее глазах стоял сплошной туман. Постепенно туманные очертания начали вырисовываться яснее, показались стены родного дома. Подойдя ближе, она увидела Марию Терентьевну, сидящую на ступеньках крыльца. Она сидела неподвижно и безмолвно. Вдруг крик отчаяния сорвался с ее губ и внезапно замер. Настя подошла ближе. Дом был темен, и было в нем все как-то не так, как прежде. От него веяло жуткой мертвой тишиной. Мария Терентьевна оцепенело поглядела на свою внучку. Настя протянула руку и положила ей на плечо.

– Настенька, одна ты у меня осталась, – проговорила она как бы через силу и умолкла.

«Боже мой! Бабушка, точно внезапно постарела на десять лет», – пронеслось у Насти в голове.

Плечи Марии Терентьевны еще больше ссутулились, в лице не было и следа былой жизненной силы, а в глазах, смотревших сейчас на нее, было отупело-испуганное выражение. Перед ней сидела дряхлая старушка. Страх за нее сжал ее сердце. Скрип открывающейся калитки заставил ее очнуться и начать действовать. Жизнь брала свое – надо было уложить бабушку в постель и сделать массу всяких необходимых вещей. В человеке, который открыл калитку, Настя узнала Михаила. Как только случилась эта беда, он ни на шаг не отходил от нее.

– Настя, нужна помощь? Ты только скажи, я все для тебя сделаю, – произнес он приглушенным голосом.

– Миша, бабушка не может идти, ее надо отнести в дом.

Послышался шум шагов, и в калитке появилась фигура Семена.

– Настя, я пришел помогать тебе, если нужно, – сказал он.

– Уже не нужно, – отозвался Михаил, – я сам ей помогу.

– Тоже мне, помощник нашелся, – огрызнулся Семен.

– Перестаньте сейчас же! – крикнула Настя, – Мне вовсе теперь не до вас и тем более не до ваших ссор! Лучше возьмите бабушку, да занесите осторожно в дом, разве не видите, в каком она состоянии?

Решительный голос Насти сразу отрезвил их. Михаил подхватил Марию Терентьевну своими сильными руками, и она, как ребенок, опустила голову ему на плечо. Семен следом за ним поднялся по ступенькам крыльца, и они скрылись в глубине темного дома. Настя осталась одна, и страшная мысль заполняла ее сознание. Во рту и в горле у нее пересохло, что она едва могла дышать. Она до боли сжала руки и вошла в дом. Непреодолимая сила влекла ее в маленькую комнату, где жила ее мама. И ей казалось, что вот сейчас она переступит порог этой комнаты, и Елизавета, как всегда, будет сидеть там на своей кровати, она поднимет на нее глаза и встанет, чтобы заключить дочь в свои нежные объятия. «Нет, мама не могла умереть. Как страшно», – проносились мысли в ее голове. У нее подкосились ноги, и она опустилась на стул. Настя осмотрела всю комнату. Все здесь было, как и прежде, не было только самой Елизаветы. Она почувствовала, как к сердцу подкрадывается боль, словно от нанесенной глубокой раны. «Надо взять себя в руки. Господи, помоги мне! Я не должна позволить разрастись этой боли, у меня впереди еще целая жизнь. Я должна быть сильной, и я смогу преодолеть эту боль».

Михаил и Семен уложили Марию Терентьевну и тихо вошли в комнату, где сидела Настя.

– Спасибо за все, и оставьте меня, наконец, – в голосе Насти послышались резкие ноты, и помощники поспешно скрылись за дверью, а она осталась вдвоем с бабушкой.

Насте пришло в голову: «Если бы можно было уснуть и, проснувшись, почувствовать прикосновение маминой руки и услышать ее голос. Если бы мама была рядом! Но так уже не будет никогда». Во сне Настя отчетливо увидела перед собой свою мать, увидела такой, какой она была до болезни – улыбающейся, заботливой и нежной. Но это был всего лишь сон.

Утром Настя распахнула все окна, и в дом ворвался свежий запах земли и зелени. Она теперь смотрела на жизнь новыми глазами. Ее душа затвердела, юность осталась позади. Она сумеет сама позаботиться о себе. Она подошла к зеркалу и, как всегда, заглянув в него, сказала сама себе:

– Я выдержу все, раз смогла выдержать самое страшное – смерть своей матери. Теперь я точно покину деревню. Меня здесь больше ничего не держит.

Почувствовав чье-то присутствие, она резко обернулась и увидела Марию Терентьевну, которая молча смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

– Бабушка, прости меня и не суди строго. Я никогда не забуду тебя и найду способ позаботиться о тебе. Мне еще столько всего нужно сделать в жизни!

– Когда ты уезжаешь? – тихо спросила Мария Терентьевна.

– Завтра, – решительно ответила Настя.

Мария Терентьевна умолкла. «Завтра... завтра...» – медленно стучало у нее в висках. Неожиданно в ее мозгу нача-

ли проноситься картины из их прошлой счастливой семейной жизни: вот Лизонька рассказывает свои истории, а маленькая Настенька сидит рядом и внимательно слушает; вот Настя пришла домой с разбитыми коленками и изо всех сил старается показать, что ей совсем не больно; вот Мария Терентьевна собрала вокруг себя детей и рассказывает им сказки; вот Настя, уже повзрослей, играет в театр и, словно настоящая актриса, поет песни и кружится в танце.

Мария Терентьевна подняла разламывающуюся от боли голову, поглядела на внучку и встретила ее решительный и в то же время молящий взгляд. До этой минуты она подсознательно рассчитывала, что ее Настенька никогда не покинет родной дом, что выйдет замуж, возьмет хозяйство в свои руки, а она, Мария Терентьевна, будет нянчить ее детей. Но теперь она видела, что Настя приняла твердое решение и, зная ее характер, поняла, что никто и ничто не сможет удержать ее.

– Поезжай, моя родная, и будь счастлива. А обо мне не беспокойся, я еще крепкая. А еще знай, что ты всегда можешь вернуться в свой родной дом, если захочешь.

– Спасибо тебе, моя бабулечка, я знала, что ты меня поймешь, ты всегда меня понимала и любила. Прости меня, если сможешь.

Настя выбежала из дома, чтобы бабушка не видела ее слез. Она, рыдая, обнимала каждый кустик, к которым прикасались руки ее матери, и мысленно прощалась со всем, что бы-

ло дорого ее сердцу.

После того, как Настя выставила за дверь Михаила и Семена, Михаил отправился к Вере.

– Зачем пришел? – спросила она твердым голосом.

– Соскучился я по тебе, – ответил он.

Она медленно поднялась со стула, вся бледная, губы ее задрожали. Михаил уставился на нее.

– Чего смотришь? – спросила она.

– Говорю же тебе, соскучился я.

– Настя тебя выгнала, и ты пришел ко мне!

– Причем тут Настя?

Вера подошла к двери и взялась за ручку, чтобы открыть ее. Михаил бросился к ней. Она почувствовала, как он сжимает ее в своих объятиях.

– Перестань! – крикнула она, оттолкнув его. – Хватит с меня!

Михаил снова бросился к ней, осыпая ее поцелуями. Она резко оттолкнула его и заплакала. Глядя на нее, как она плачет, он вдруг холодно сказал:

– Ну, раз я тебе не нужен, тогда прощай и будь счастлива.

В душе Веры разгоралось пламя, и от этих слов вспыхнул гнев:

– Ты хочешь жениться на Насте?! Уходи! Ты подлый предатель, негодяй, ты...

Она не могла подобрать более оскорбительное слово и с

размаху со всей силы ударила его по щеке. Красное пятно от пощечины отчетливо проступило на его лице. Перемена в Вере поразила и даже испугала Михаила. Вера ощущала странную пустоту в голове, все мысли, владеющие ей минуту назад, куда-то исчезли. Михаил порывисто шагнул к ней и через минуту уже держал в своих объятиях.

– Прости, прости, – шептал он, чувствуя, как она меняется от его прикосновения.

Он осыпал ее частыми легкими поцелуями, а она, вздрагивая от каждого поцелуя, отклоняла голову, стараясь избежать их, и все же наслаждалась ими. Наконец, их губы встретились и слились в страстном поцелуе. Это были чудеснейшие минуты для нее. Она любила всей душой, всем телом, она бросилась в любовь, как в омут с головой, и, не задумываясь, отдала бы жизнь за своего любимого. Вера прижалась к нему, сердце ее трепетало, глаза затуманились, и она прошептала чуть слышно:

– Люблю тебя.

Ей казалось, что она как бы отделилась от своего тела и парит где-то высоко над ним. Она не понимала, как это случилось, что каждый раз, решив прогнать его, она снова попадала в его объятия и ничего не могла поделать с собой. Он взял ее на руки, прижал к себе и опустился с ней на кровать.

– Милая моя, родная, как же я соскучился по тебе, – прошептал он.

Он говорил ласково, нежно, и она видела в его глазах все

ту же любовь.

Весь следующий день Михаил провел с Верой. Он был нежным и заботливым, он был веселей, чем она ожидала, нежнее, чем она могла мечтать. За те бессонные ночи, которые тянулись без него, она поняла, что ей очень его не хватает. Не хватает его плеча, на котором она любила засыпать, не хватает его губ, его теплого дыхания. Без него она чувствовала себя одинокой и беспомощной. Но Михаил вел себя непредсказуемо. Он пропадал то на два – три дня, то на целую неделю. Вера была уверена, что это связано с Настей. Но он вновь появлялся, как ни в чем не бывало, любил ее, говорил такие слова, от которых рассеивались все ее сомнения. Он имел необыкновенное воздействие на нее.

Целый день он был рядом и никуда не спешил. Они гуляли по берегу реки, плескались в воде, Михаил все время что-то говорил и умолкал только во время поцелуев. В этот день у Веры было так хорошо на душе! Она пристально глядела на него. В нем было столько очарования, и она еще больше любила его. Ей казалось, что он принял решение, которого она так долго ждала.

Вечером Настя отправилась к Шурочке, чтобы попрощаться перед отъездом. Дверь была не заперта. Увидев Настю, Шурочка очень обрадовалась, но распухшее и покрасневшее от слез лицо своей подруги испугало ее. Такой она еще не видела ее никогда.

– Шурочка, я пришла проститься. Завтра утром я уезжаю в город, – спокойно произнесла Настя.

– Как? Уже? – воскликнула Шурочка.

– Меня здесь больше ничего не держит.

– А как же Мария Терентьевна, Костя? А я? Не бросай меня, мне будет очень плохо без тебя!

– Пойми меня, подруга, я не могу больше ждать. Если я не уеду сейчас, потом уже будет поздно. Ты же знаешь мою мечту. Я должна добиться того, что задумала.

Шурочка залилась слезами, а Настя стояла, как вкопанная, точно находилась в состоянии шока. Неожиданно она почувствовала, как слезы жгут ей глаза. Она резко шагнула к своей подруге и, крепко обняв ее, проговорила срывающимся от слез голосом:

– Шурочка, родная моя, я тебя очень люблю! Ты же знаешь, что ты моя единственная подруга, ты для меня – сестра, самый лучший и светлый человечек на всей земле! Я уеду, но ты не останешься одна. У тебя есть Клавдия, Платон, ты скоро выйдешь замуж, родишь детей. У тебя будет все хорошо! А я буду приезжать к вам в гости.

– Ты не исчезнешь навсегда? – испуганно воскликнула Шурочка.

– Конечно же, нет! Где бы я не была – я буду всегда рядом с тобой!

Настя провела ночь, не сомкнув глаз. Мысли вихрем про-

носились у нее в голове, не давая ей заснуть. Не дождавшись утра, она уложила в чемодан свои вещи и тихонько, чтобы не разбудить бабушку, вышла из дома. Она торопливо шла по темной деревенской дороге, мысленно прощаясь с прошлой жизнью. С болью в груди она покидала родную деревню ночью, чтобы избежать надрывающих душу проводов и не видеть слез самых родных и близких ее сердцу людей.

Эта ночь была бессонной не только для нее. Сердце билось в груди у Кости с такой силой, будто из него живьем вырвали целый кусок. Он метался по комнате, не понимая, что происходит с ним. Предчувствие нависшей беды не покидало его всю ночь.

Утром Вера проснулась в хорошем настроении. Она так крепко спала, что не слышала, как Михаил встал и когда ушел. Она еще долго нежилась в постели со счастливой улыбкой на лице.

Как только забрезжил рассвет, Михаил уже стоял у калитки возле дома Насти и ждал, когда она покажется на крыльце. Открыв калитку, он неожиданно натолкнулся на Семёна, который сидел на земле, прислонившись спиной к забору. Михаил не ожидал такого поворота событий. Некоторое время он стоял, как столб, и смотрел на него.

– Какого черта ты тут делаешь? – гневно спросил он.

– Жду Настю. А ты зачем пришел?

– Тебе какое дело? Шел бы ты домой по добру, по здорову.

Как же ты меня достал! – рассвирепел Михаил.

Услышав громкие мужские голоса, Мария Терентьевна вышла на крыльцо. Перемена в ней поразила молодых людей. С лица этой женщины глядели потухшие глаза, в которых не было даже искорки жизни.

– Идите по домам, нет Насти, уехала она, – тихо произнесла она.

От этих слов Семен непроизвольно раскрыл рот, затем медленно, словно лунатик, вышел за калитку и поплелся в сторону своего дома. Михаил стоял словно тень, плечи его сникли, а в глазах, смотревших на старую женщину, было оцепенелое выражение. Еще немного постояв, он покинул этот двор, опустевший без Насти. Придя домой, он взял бутылку водки, налил в стакан до самых краев и поднес ко рту. Резкий запах ударил ему в нос. Он поморщился от отвращения и осушил стакан крупными глотками. Жгучий напиток обжег ему горло. Он глубоко втянул в себя воздух, тепло пробежало по всему телу. Потом он налил второй стакан. Запах водки уже не вызывал в нем отвращения.

– Эх, Настя, Настя, ты думаешь, что убежала от меня? Ну, нет, ты от меня не скроешься, я разыщу тебя, и ты будешь моей, – сказал он сам себе и осушил второй стакан.

Тепло все больше разливалось по всему телу, погружая его в сон.

Мария Терентьевна сидела за столом, сжав голову рука-

ми. Перед ней лежал листок бумаги – это было прощальное письмо ее внучки.

«Дорогая моя бабушка, из родных ты у меня осталась одна. Я никогда тебя не забуду и не брошу. Вот устраюсь в городе и заберу тебя к себе. Я очень тебя люблю и благодарна тебе за все. Прости меня. Больше всего на свете я не хотела тебя обидеть. Не осуждай меня за то, что ушла ночью, не простившись с тобой. Я не выдержала бы твоих слез и не захотела надрывать твое сердце. Ты еще будешь гордиться мной, когда я стану настоящей актрисой. Прощай, моя родная, и не поминай лихом свою щебетунью, как ты любила называть меня в детстве. Твоя Настя».

Мария Терентьевна прижала этот листок к своим губам и не могла расстаться с ним ни на минуту, ведь на этой бумаге записаны Настенькины слова, Настенькины мысли. Вот только читать она не умела. Она смотрела на буквы, пытается прочесть их своим сердцем, и горько-горько плакала от одиночества и собственного бессилия, которые надрывали ее душу.

VIII

Было десять часов утра. Горячее августовское солнце струило сквозь маленькие оконца в дом Клавдии. Солнечные блики играли на стенах. Шурочка примеряла свадебный наряд, и ее сердце наполнялось безудержной радостью. Всего через несколько часов они поженятся с Платоном, и уже ничто не сможет разлучить их. Единственное, что ее огорчало в это утро, было то, что подружкой на ее свадьбе будет не Настя, а Вера. Шурочка думала: «Где же ты сейчас, Настя? Как бы я хотела, чтобы ты была рядом со мной в этот день. Только с тобой я могу поделиться своими мыслями и чувствами и быть еще счастливей от того, что ты рядом, что ты понимаешь меня, любишь и искренне радуешься вместе со мной».

Шурочка стояла перед зеркалом. На ней было белое платье, простое и очаровательное, обтягивающее стройную фигуру, грудь была украшена пышными рюшами. Платье получилось очень красивым, наверное, еще потому, что когда его шила Клавдия, она вкладывала в каждую складочку свою глубокую любовь к этой девочке. Роскошные светлые волосы украшал венок из белых цветов. В этом наряде Шурочка была еще более очаровательной. Клавдия смотрела на нее с восхищением и думала: «Какая же она красивая! Как жалко, что Поленька не дожила до этого дня и не может порадо-

ваться вместе со мной». В это утро Шурочка была немного растеряна. Совсем скоро она станет замужней женщиной и окупится в новую, семейную жизнь со всеми ее радостями, со всем счастьем, о каком мечтает каждая девушка.

На свадьбу была приглашена почти вся деревня. Для свадебного пиршества были приготовлены длинные деревянные столы и скамейки, расставленные в ряд во дворе Платона. Мастерить эти столы и скамейки ему помогали Адик и Семен, а Вера, Любаша и Шурочка весь день хлопотали на кухне, помогая Клавдии в разнообразной стряпне, чтобы украсить вкусной едой эти новенькие свадебные столы. Дружком со стороны жениха был Семен. Конечно, Шурочка хотела, чтобы это был Михаил, ведь она знала, как его любит Вера. Накануне свадьбы именно так и планировалось. «Вот поженимся мы с тобой, а следующими будут Вера и Михаил. Это хорошая примета, когда женятся подружка и дружок чьей-то свадьбы», – говорила Шурочка Платону. Но к ее разочарованию этого не случилось. После того, как Настя уехала в город, Михаил через некоторое время отправился вслед за ней, и никто из деревни не знал, где они и что с ними. Вера очень тяжело переносила разлуку. В первые дни она просто умирала от тоски. Она ничего не могла есть, глаза ее потускнели, все ночи напролет она плакала, уткнувшись в подушку. Она ходила, словно тень. Казалось, что последний остаток сил, который еще теплился в этой ослабевшей душе, скоро полностью будет исчерпан. Любаша, как могла,

поддерживала ее. «Все пройдет, ты только потерпи, со временем боль утихнет. Ты только пойми, что он не стоит тебя. Ты обязательно будешь счастлива и встретишь настоящего парня, который будет любить тебя, и которого ты обязательно полюбишь всем сердцем», – успокаивала она подругу. Но в день свадьбы Шурочки Вера, собрав все силы, была веселой и красивой, будто снова вернулась к своей обычной жизни, оставленной из-за разлуки с Михаилом. Она улыбалась и смеялась, и все, глядя на нее, радовались переменам в ее настроении.

Бракосочетание было назначено на двенадцать часов. Погода стояла отличная. Жених, невеста, Вера, Семен и Клавдия вышли из дома и направились в церковь. Они шли медленно, чинно по деревенским улицам, а соседские ребяташки выбегали им навстречу, с любопытством глазели на них, а некоторые, постарше, кричали им вслед: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Они явились в церковь точно к назначенному сроку. Приглашенные толпились возле церкви, ожидая молодых. Широко шагая, вышел священник и начал служить мессу. Шурочка и Платон, очень смущенные, стояли перед алтарем, не зная, когда надо становиться на колени, когда садиться, когда вставать, и церковный служитель показывал им знаками что делать. Свидетели все время стояли молча, а Клавдия плакала от счастья, и слезы ее капали в молитвенник. Потом священник положил руки на склоненные головы молодых и соединил их навеки веков. Затем все прошли в

ризницу и расписались в книге.

– Вот и готово, – сказал Платон, смущенно улыбаясь.

Сосед Веры дядя Егор похлопал его по плечу и, посмеиваясь, пробормотал:

– Вот, какие шустрые наши девки! Окрутят за пять минут, а потом расхлебывайся всю жизнь! Эх, Платоша, влип ты, бедняга!

Клавдия ущипнула его за ухо, и на лице его появилась такая смешная гримаса, что все покатались со смеху. Шурочка подошла к Клавдии и обняла ее. Клавдия не могла удержаться от слез и постоянно всхлипывала.

– Мамочка Клавочка, родная моя, не беспокойся за меня, мне так хочется быть счастливой! Если богу угодно, мы будем счастливы! Бог милостив! – сказала Шурочка, утирая слезы Клавдии.

Затем все отправились в дом Платона, где их ожидало свадебное пиршество. Платон вел жену под руку. Они смеялись и шли быстрее других, далеко опередив всех гостей, точно подхваченные каким-то порывом, не замечая ни домов, ни соседских ребятишек. А гости, задрав головы, смотрели на небо. Оно становилось все темней. Над землей стали проноситься резкие порывы ветра, вздымая вихри пыли, начались раскаты грома. Дождь хлынул сразу, как из ведра. Люди прятались в первые, попавшиеся на пути, дома, а небо становилось все темней, казалось, наступила ночь. И тут гроза обрушилась на деревню с неудержимой яростью. Целых пол

часа с неба хлестали потоки воды, а гром гремел, не умолкая. Всем было не по себе. Только лицо Шурочки сияло спокойной радостью. Во время грозы они с Платоном укрылись под развесистым деревом, но листва не могла защитить их от стремительного ливня, и они стояли, промокшие с головы до ног, крепко держась за руки, устремив глаза в небо. Шурочка следила за молниями, как будто при ярких вспышках видела там картины своего будущего. Лишь Клавдии эта гроза была не по душе. Она, словно предчувствовала нависающую беду над ее дорогой Шурочкой. Еще в детстве она слышала от своей бабушки, что когда в день свадьбы случается большая гроза, это небо посылает проклятие, и тогда беды не миновать. «Неужели проклятие за смертный грех Арины ляжет на плечи Шурочки, у которой такая светлая и чистая душа?» – с ужасом думала она. Клавдия молча смотрела на серую пелену дождя, на бегущие по улице ручьи, на водяную пыль, которая взлетала над бурлившими под ливнем лужами.

– Ну, и погодка! – сказал Егор, стоявший рядом с ней, – скоро с неба посыплются черти!

Оробевшие женщины, пережидая дождь, прикрывали глаза руками. Они уже не болтали, им было не по себе. Когда раскаты стали реже, гости начали приходить в себя, стали ругать грозу, грозить тучам кулаками. Тем временем ливень внезапно прекратился.

– Ну, вот, теперь пора и за свадебку! – смеясь, сказал Егор. Гости стали выходить из своих убежищ. Увидев, что все

дороги развезло, они стали снимать свои башмаки, решив, что босиком по грязи идти легче.

– А может и к лучшему, что дождь намочил нас? По крайней мере, по такой погоде нас не хватит солнечный удар! – рассудил Егор.

Все засмеялись. Настроение у гостей поднималось. Когда все собрались во дворе Платона, Егор, погладив подбородок, и, подмигнув, вопросительно поглядел на собравшихся:

– Я вам так скажу – самое лучшее средство после дождя – не откладывать застолье.

– Я на все согласна, дядя Егор, – смеясь, сказала Вера.

Она непроизвольно повернула голову и столкнулась с кипевшим от злости взглядом своего отчима. В эту минуту он думал: «Лучше бы ты была согласна выйти замуж за кого-нибудь. Ишь, развеселилась, кобыла здоровая. Когда только я избавлюсь от тебя?»

Однако вслух он произнес:

– Да! Не мешало бы пропустить по стаканчику для согрева, а то вон девки-то все наряды свои измочили. Самогонка потечет по жилочкам, да разогреет кровь-то, а на горячем теле и одежонка быстрее высохнет.

Вскоре общими усилиями праздничные столы были накрыты. Свадебное платье Шурочки насквозь промокло, и ей пришлось переодеться. Она надела платье, которое Клавдия сшила ей на восемнадцать лет. Оно было ни чуть не хуже свадебного. Когда она вышла к столу, на ее месте, рядом с

Платоном, сидел Егор, наряженный в невесту. На его голове была белая тюлевая занавеска, завязанная на макушке пучком в виде розы. Вся компания просто прыскала со смеху. Кто-то кричал:

– Глянь-ка! Ну и новобрачная! Егор, вот беда! Ты проглотил арбуз что ли? А может ты беременный?

Егор смеялся громче всех, гордо выпятив свой живот.

– А вот и настоящая невеста идет, – раздалось из толпы, – Платон, гони самозванца!

Все дружно подхватили:

– Гони его, гони! Шурочку давай! Настоящую невесту давай!

Егор соорудил недовольную физиономию из-за того, что его выгоняют с почетного места, и всех разобрал неудержимый хохот. Вдруг раздался бабий визг. Кто-то из мужиков залез под стол и ущипнул их за икры ног.

– Ижно, какой крик подняли! – ворчали мужики, вылезая из-под стола, – могли бы сделать вид, будто по ногам шмыгают мыши.

Все сотрясались от смеха.

– Смотри, смотри, у Егора живот-то как трясется, прямо, как холодец!

А Егор закатывался, и от смеха живот его еще больше дрожал, прыгал и ходил ходуном.

Платон обнял Шурочку за талию, и она с нежностью прижалась к нему.

– Хороши, нечего сказать! – воскликнул он. – Экий галдеж подняли! А про жениха и невесту забыли!

– Горько! Горько! – дружно закричали гости.

Платон наклонил голову, и его губы сошлись с губами Шурочки в долгом ласковом поцелуе.

Весь вечер Семен и Вера старались казаться веселыми, но глаза их выдавали подлинное состояние души. Семен мысленно навсегда прощался с Настей. Он решил принести свою любовь в жертву ради ее счастья и гордился этим. В этом юноше чувствовались решительность и воля. В глазах Веры проскальзывала печаль, и, как она не старалась, они все равно были грустными.

Адик был очень весел. Все свое внимание он переключил на Веру. Он не оставлял ее ни на минуту. Все время шутил, рассказывал забавные истории, пытаясь рассмешить ее, неоднократно плясал «Барыню», выписывая разные кренделя, стараясь понравиться ей.

Развеселившаяся свадьба грохотала, чуть ли ни на всю деревню. Нежный свет теплого, омытого грозой, вечера еще больше радовал гостей. Стол казался бесконечным. Деревья бросали зеленоватый отсвет на него, и тени листьев плясали на лицах людей. Уже почти ночью гости стали разбредаться. Семен незаметно улизнул раньше всех. Адик пошел провожать Веру. Егор заснул за столом, объевшись и обпившись. Федор с Нюрой еле разбудили его и по-соседски взялись проводить до дома.

Наконец, уставшие от гостей, молодые проводили всех. Платон тихонько пожал руку Шурочке и шепнул на ухо:

– Пора начинать семейную жизнь, а что это за семья без детей?

Шурочка поняла смысл сказанной Платоном фразы и от стыда залилась ярким румянцем.

– Платоша, все-таки, как жалко, что на нашей свадьбе не было Насти, Михаила, Марии Терентьевны и Кости, – тяжело вздохнула она.

– Да. Сдала Мария Терентьевна, совсем ослабла от горя, – ответил он, – а Костя и вовсе замкнулся после отъезда Насти. Тяжело им сейчас, не до веселья.

– Со столов надо бы убрать все, – сказала Шурочка.

– Завтра уберем, пойдем лучше в постель. Ведь ты теперь – моя женушка, и сегодня у нас с тобой первая брачная ночь, – ласково прошептал он ей на ухо, прижимая к себе, и, почувствовав разгорающееся желание и не в силах больше сдерживать свои страстные порывы, подхватил ее на руки, точно пушинку, и унес в свой, теперь уже не холостяцкий, дом.

IX

Приехав в город, Настя, прежде всего, постаралась подыскать себе жилье. Это была задача не из легких. В конце концов, она нашла квартирку из одной комнаты в одном из стареньких домишек, с общими для всех постояльцев ванной и кухней. Все здесь пришло в упадок, но Настю новое жилище вполне устраивало, особенно то, что за эту комнату брали недорого. Здесь было шесть комнат, считая ту, что снимала Настя, да еще две комнаты, где обитал сам хозяин. Он был лет пятидесяти, с глазами навывкате и гнусавым голосом. Самым большим огорчением в его жизни было то, что за его комнаты не хотели платить дороже, а самой большой радостью – когда постояльцами оказывались молодые девицы. Когда в одной из его комнат поселилась Настя, ее загадочные серые глаза и огненно-рыжие волосы пробудили в нем живейший интерес.

– Заглядывайте ко мне, Настенька, я Вас чайком угощу, – говорил он, когда она попадалась ему на глаза.

И Настя стала заглядывать к нему в свободное время.

Однажды хозяин попытался обнять ее, но она резко его оттолкнула, что он не удержался на ногах и со всего маху шлепнулся на пол.

– Хватит разыгрывать недотрогу! – крикнул он. – А то мы не знаем вас, артисток, все вы одинаковые!

Хозяин сделал вторую попытку, и Настя его ударила изо всех сил.

– Не такая уж ты красавица! – злобно огрызнулся он, вытирая нос, из которого бежали кровавые струйки.

– Вот и не лезь ко мне, раз я не красавица! Много вас таких охотников до любой юбки!

С этого момента Настя старалась избегать хозяина. Нет, она не боялась его домоганий, она опасалась другого – вдруг он выгонит ее на улицу, чтобы отомстить ей за свое унижение? Но хозяин и не думал ее выгонять. Он оказался незлопамятным, а после ее отпора потерял к ней всякий интерес.

Приближалась пора экзаменов. Целый месяц Настя прожила, точно в тумане. Прочитанные книги громоздились друг на друга, мысли путались в голове. Иногда она, читая, просиживала до поздней ночи, а утром, роясь в памяти, ничего не могла вспомнить.

И вот наступил долгожданный день. Насте не сиделось на месте, она была в непрерывном движении и, наконец, собрав всю свою волю, чуть ли не бегом, отправилась в театральное училище. Подойдя к зданию, она остановилась, чтобы отдышаться и взять себя в руки. Потом она решительно открыла тяжелую дверь и вошла туда, где должна была решиться ее судьба. На пороге она встретила молодую девушку, которая стояла, закрыв глаза и прижав руки к груди. Настя тронула ее за плечо, и девушка испуганно открыла глаза.

– Скажите, пожалуйста, где идет вступительный экза-

мен? – спросила Настя.

Девушка с удивлением посмотрела на нее и ответила:

– В двадцатой аудитории. Но Вы опоздали, экзамен уже закончился.

– Как закончился?! – воскликнула Настя и ринулась по коридору.

В коридоре толпились молодые люди – девушки и юноши. Настя стремительно пробиралась сквозь них, и перед ней мелькали лица этих людей. Они бурно разговаривали между собой, и воздух гудел так, точно это был пчелиный улей. Она смело открыла дверь и вошла внутрь аудитории.

– Вы кто? – строго спросил профессор.

– Я Настя Быстрова, – ответила она.

– Почему опоздали?

– Извините..., я, наверное, перепутала время, – заикаясь, пролепетала она, стоя в двери и не решаясь пройти дальше.

– Ладно, берите билет.

Настя подошла к столу, на котором лежали маленькие бумажки, и осторожно взяла одну из них.

– Номер? – спросил профессор.

– Девять, – ответила она, читая билет.

– Хороший билет – «Слово о полку Игореве». Ну, что ж, готовьтесь.

Настя села за стол и, задумываясь, склонилась над бумагой. Некоторое время профессор наблюдал за ней, потом подошел к окну и стал внимательно смотреть на улицу. Ули-

да жила обычной жизнью – шумела и кипела. По тротуарам сновали люди, они все куда-то торопились.

«Куда же они все стремятся? – думал профессор. – Какие они все разные, в этой многотысячной толпе ни один не подходит на другого, даже отдаленно». Потом он перевел взгляд на Настю и подумал: «Вот еще одна рвется в актрисы. А понимает ли она сейчас, какая сложная жизнь у актеров? Молодая девушка, наверняка не встречавшая никаких трудностей в своей коротенькой жизни, наверное, мечтает купаться в лучах славы. Сколько таких прошло сегодня передо мной, и ни одного настоящего таланта».

– Готовы? – спросил он. – Слушаю Вас.

Настя держала в руках билет, и он мелко дрожал.

– Не надо так волноваться, – спокойно сказал профессор.

– «Слово о полку Игореве» – это великолепное произведение, – начала она, – это шедевр. В общем..., князья были разобщены..., и половцы напали на Русь..., – она закусила губу и покраснела.

Настя понимала, что сейчас завалит экзамен, и подняла на профессора грустные глаза.

– Вы, что же, не читали это произведение? – профессор с досадой скрестил руки на груди.

– Не мучайтесь, профессор, ставьте мне, что заслужила, – сказала Настя резким, решительным тоном.

На него этот тон подействовал как-то особенно, почему-то этот ответ ему понравился. Он присел.

Неожиданно Настя начала свой рассказ. Она говорила тихо, но каждое слово, слетающее с ее уст, было необычайно выразительно. По временам на ее глазах блестели слезы, а то вдруг ее охватывал бурный восторг. Закончив рассказ, она тихонько запела, еще глубже раскрывая образ своей героини. Ее голос проникал прямо в душу. Она закончила петь, и в воздухе повисла пауза. Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Я могу идти? – осторожно спросила она.

«У этой девочки врожденный дар», – подумал профессор. Потом он поморщился и сухо произнес:

– Стыдно не знать «Слово о полку Игореве». Придется с Вами поработать.

– Я не понимаю, – дрожащим голосом произнесла она, – это значит, я принята или нет?

– Да принята, принята, – улыбнулся профессор.

Настя вышла из аудитории и вытерла вспотевший лоб. Некоторое время она стояла, глядя в опустевший коридор, наслаждаясь всем сердцем, что ее мечта сбылась. «Какое счастье! Я стану актрисой!» – пело у нее в душе. Она стояла и вдыхала какой-то особый запах, театральный, милый сердцу запах, который дурманил ее мозг. Несколько минут она была, как безумная, потом, овладев собой, направилась к выходу. Очутившись на улице, она оглянулась на окна училища, и ей показалось, что в одном из них она увидела профессора. Профессор действительно стоял у окна, смотрел на улицу и

о чем-то думал.

Для Насти открывалась новая жизнь. Посвящение в таинство театра было начато. Теперь ей нужно было многому научиться. Ей нужно было много читать, научиться выражать жестом или взглядом любовь, которую она должна была показывать на сцене, научиться играть роли так, как если бы это были не роли, а ее подлинная жизнь.

Михаил приехал в город в надежде разыскать Настю. Он сердцем чувствовал, что она обязательно поступит в театральное училище, и, узнав, когда зачисляются студенты, стал терпеливо ждать. Чтобы как-то жить, он снял небольшую комнату и устроился на стройку кровельщиком. Михаил был доволен своей комнатой. В ней помещалась кровать, посредине стоял круглый стол, а по бокам шкаф и комод. Стена была украшена часами с кукушкой. И по вечерам, лежа в кровати, он засыпал под равномерное тиканье этих часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.